

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ГОРОДСКОЙ
ТАРИФ

Новое дело Анастасии Каменской и Игоря Дорошина!

Каменская

Александра Маринина
Городской тариф

«Автор»

2006

Маринина А.

Городской тариф / А. Маринина — «Автор»,
2006 — (Каменская)

ISBN 5-699-15763-8

Дело вроде совсем простое: бизнесмен средней руки убил свою любовницу и пустился в бега. Найти его – дело времени. Но чем больше Анастасия Каменская и ее коллеги собирают информацию о всех фигурантах, причастных к этой истории, тем запутаннее начинает выглядеть преступление. Похоже, это вовсе не «рядовое» убийство, за ним вырисовываются неясные, но мрачные контуры какой-то организованной системы, безжалостно перемалывающей человеческие судьбы. В рамках этой системы все имеет свою твердую цену, в том числе и человеческая жизнь, причем она-то стоит совсем недорого. Каменская и не подозревает, что ее тоже оценили, и теперь она невольная участница масштабной и циничной игры, исход которой совершенно непредсказуем...

ISBN 5-699-15763-8

© Маринина А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александра Маринина

Городской тариф

ГЛАВА 1

Жить с чувством вины невыносимо, но Павел Седов об этом не догадывался. У него, как и у всех людей, были в жизни обстоятельства, думая о которых он должен был бы испытывать это самое чувство, но, как и большинство, он ловко уворачивался от неприятных мыслей, и они в голове как бы и вовсе не возникали. Не было их там. Поэтому в отношениях с семнадцатилетней дочерью Соней он выстраивал педагогически выверенную, как ему казалось, линию строгости, подразумевавшую отсутствие излишнего баловства.

С Соней он встречался регулярно, примерно раз в две-три недели, водил ее поужинать в ресторан, вел пристрастный родительский допрос о школьных успехах, выслушивал все то, что дочь считала нужным рассказать о матери, бывшей жене Павла, делал подарки, не очень дорогие, предназначенные исключительно для демонстрации отцовской заботы. Попыткам же Сони повысить уровень притязаний он упорно противостоял.

– Пап, а ты в Новый год что собираешься делать?

Об этом Седов пока не думал, рано еще, ноябрь только-только начался. Да и неизвестно, может, дежурить придется. График дежурств до конца года уже вывешен, но мало ли что, заболеет кто-нибудь, например, и тогда начнутся перестановки и подмены.

– Не знаю, – равнодушно ответил он.

– А давай поедem в Эмираты, а? Ну пап, все нормальные люди ездят на Новый год туда, где тепло. Говорят, там так классно! У нас все девчонки уже ездили.

– И как ты себе это представляешь? – строго и недовольно спросил Седов.

– Ну как... Никак. Мы с тобой вдвоем поедem, вот и все. Отель можно по интернету заказать, с билетами тоже проблем нет. Чего тут представлять?

– А мама? Ты оставишь ее одну на Новый год?

– Да ну, она все равно с Ильей будет встречать, на фиг я ей нужна? И вообще, я не собираюсь с ними сидеть всю ночь, очень надо!

– Ну хорошо, а Милена? О ней ты подумала?

– Ну ты, пап, вообще! Я что, о Милене твоей думать должна? Я – твоя дочь и имею право поехать с тобой, куда захочу.

– Но Милена – моя жена, и она тоже имеет право провести праздник со мной. Хочешь, поедem втроем?

Разумеется, ни о какой поездке в Эмираты с Соней и речи быть не могло, Седов считал, что баловать детей до такой степени нельзя, но пусть лучше девочка сама откажется. А она совершенно точно откажется, потому что Милена терпеть не может.

– Да никакая она тебе не жена, вы же не расписаны! – фыркнула девушка. – Просто так живете... С Миленой не поеду. Сам знаешь.

– А почему бы тебе не поговорить с мамой и Ильей? Может быть, они захотят поехать?

– Ну да, конечно, – на хорошеньком Сонином личике отразилось презрение. – Захотят они, жди. У них столько денег нету. И вообще, этот Илья жуткий жмот, лишней копейки у него не выпросишь, только на самое необходимое дает.

– Но у него и нет, наверное, лишних копеек, – вступился Павел за любовника бывшей жены. – Он же не миллионер.

– Вот я и говорю... – неопределенно вздохнула она. – Не миллионер. Жениться – не женится, денег нет, толку от него никакого. И чего мама с ним возится? Я бы на ее месте давно его бросила.

– И осталась одна? – Павел скептически приподнял брови.

Он давно привык к тому, что у Сони нет ни малейшего пиетета к родителям. Ему это, само собой, не нравилось, он пытался делать дочери замечания, дескать, нельзя высказываться о старших с подобным пренебрежением, но все впустую, и ему пришлось смириться. Уже не перевоспитаешь.

– Ничего, одна не останется. Не осталась же, когда тебя бросила.

Что-то слишком уверенный у нее голосок. Просто так ляпнула или имеет в виду что-то конкретное? Павел задал еще парочку наводящих вопросов, и ситуация прояснилась. Оказывается, у Натальи объявился новый ухажер, какой-то состоятельный тип, постоянно живущий в Австрии и открывающий в России очередной (не то третий, не то уже пятый) филиал своей фирмы. И намерения у него, как кажется Сонечке, вполне серьезные. Во всяком случае к себе в Австрию он их уже пригласил. Пока в гости, а там...

– Ну и что мама? Согласилась? – вяло поинтересовался Седов.

– Как же, жди, – Соня болезненно скривилась. – Она своего Илью оставить не может. Что он скажет, да как он к этому отнесется, да это неприлично... Муть всякая. Ты бы поговорил с ней, что ли. Она тебя послушается.

– Сонька, не выдумывай, – рассмеялся он. – Ну как это я поговорю с мамой? О чем? О том, что она должна бросить человека, которого любит, и уехать с тем, кого едва знает? Ты что несешь?

– Да чего там любить-то?! – воскликнула Соня с отчаянием. – Ни рыба ни мясо этот ее Илья, толку от него никакого. А так жили бы в Австрии, как нормальные люди.

Ему сильно не понравились уже второй раз произнесенные слова про «толк». Совершенно очевидно, что его девочка измеряет ценность людей исключительно по их платежеспособности. От Ильи толку нет, поскольку он не возит их с Натальей за границу и не делает роскошных подарков, а от австрийского бизнесмена толк, несомненно, будет. Ох, Сонька, Сонька! И когда же он ее упустит? Откуда такое отношение к людям?

В этот момент чувство вины чуть было не подало голос, ведь Седов развелся с женой пять лет назад, и можно было бы начать развивать тему отцовского невнимания к ребенку и так далее... Но Павел, об опасном чувстве не подозревающий, ловко увернулся, причем проделал это абсолютно инстинктивно, а потому безошибочно.

– А в самом деле, – задумчиво проговорил он, – почему мама и Илья до их пор не поженились? Мама не хочет?

– Ну прямо-таки, не хочет она! Еще как хочет.

– Так в чем же дело? Он ведь свободен, насколько я знаю.

– Ну и что? Он козел, только мама этого не понимает. Твоя Милена, небось, тоже спит и видит за тебя замуж выйти, а ты же на ней не женишься, хотя ты тоже свободен. Все мужики козлы.

– Соня!

– Ну ладно, ладно, пап, извини. Ты мне десерт еще закажешь?

– Конечно, – улыбнулся Седов и подозвал официанта.

Из всех ресторанов, куда он водил Соню, этот был ее самым любимым, потому что была его девочка большой сластеной, а здесь в меню предлагался роскошный выбор десертов со взбитыми сливками, которые она обожала.

* * *

– Тетя Ира, а ты звезда?

Восьмилетний Гриша Стасов смотрел на Ирину Савенич серьезно и вдумчиво. Впрочем, он все в своей ребяческой жизни делал вдумчиво и серьезно.

– Нет, котик, я не настоящая звезда, я просто актриса второго плана, – так же серьезно ответила Ирина. – Но очень хорошая.

Коротков прыснул в кулак и отвернулся.

– Наверное, ты меня обманываешь, – Гриша обстоятельно рассуждал вслух. – Почему дядя Юра смеется? Если бы ты сказала правду, он бы не смеялся. Он смеется, потому что ты меня разыгрываешь.

Придя к этому бесспорному выводу, мальчик удовлетворенно замолчал и принялся что-то обдумывать. Пока он думал, Ирина продолжала быстро резать овощи, а ее муж с преувеличенно серьезным видом колотил кулинарным молотком по распластанным на доске кускам мяса. В кухню заглянула Татьяна, Гришина мать.

– Сынок, не мешай дяде Юре и тете Ире, иди к себе, поиграй.

– Он не мешает, Танюша, – откликнулся Коротков. – Он работает следователем. Весь в тебя. Устроил нам тут допрос с пристрастием.

– Да ну?

– Ну, – подтвердил он. – Ребенок интересуется знать, каковы масштабы Иркиной славы. Проще говоря, звезда она или нет?

– Ну и как, сынок, выяснил? – поинтересовалась Татьяна.

– Пока нет, – деловито сообщил Гриша. – Тетя Ира не отвечает на поставленный вопрос, уходит от ответа. Она считает, что я еще маленький и со мной можно не разговаривать серьезно.

– Господи, какой ужас! – Ира бросила нож и схватилась руками за голову. – Таня, как вы со Стасовым воспитываете ребенка? У него же нет детства. Ты только послушай, как он разговаривает! Как будто ему сорок лет, а не восемь.

– Мама, – внезапно подал голос Гриша, – я догадался. Тетя Ира настоящая звезда, и все об этом знают, только я один не знал, поэтому мой вопрос показался дяде Юре смешным. Правильно?

– Правильно, солнышко, – рассмеялась Татьяна. – Иди к себе, сейчас тетя Ира будет резать лук, и у тебя слезки потекут.

Гриша с достоинством покинул помещение. Даже угроза луковых слез не заставила его двигаться быстрее. Стасов всегда говорил, что его жена родила тройню: сперва Гришкину обстоятельность, затем Гришкину медлительность, а потом уж и самого Гришу.

Они праздновали День милиции. Правда, 10 ноября в этом году пришлось на будний день, поэтому договорились собраться у Татьяны и Стасова в ближайшую к празднику субботу. Обязанности разделили: Коротков пообещал при помощи жены приготовить какое-то совершенно невозможное мясо, Каменская и Чистяков должны были принести сладкое, с хозяев дома причитались спиртное и легкие закуски. Ну а пироги, как водится, ожидалось с приходом Миши Доценко, потому что лучше его благоверной их никто печь не умел.

Коротков и Ирина приехали пораньше, на приготовление «совершенно невозможного» мяса требовалось время, гости должны были явиться только через час. Татьяна еще раз проверила накрытый стол, убедилась, что все необходимое сделано и можно немного передохнуть, и налила себе чаю.

– Вот что значит сила привычки, – задумчиво проговорила она. – Празднуем День милиции, а милиционеров-то среди нас – раз-два и обчелся. Только ты, Юрик, да Настя. Стасов давно в отставке, я – недавно, Доценко тоже уже не служит.

– И Настюха, того и гляди, уйдет, – откликнулся Коротков. – Тогда вообще один я останусь. И наши ежегодные посиделки в День милиции будут собираться в честь одного меня. А я буду чувствовать себя героем и страшно гордиться. Тань, мне миска нужна, побольше и поглубже.

Татьяна выдала ему глубокую широкую миску, в которую Коротков принялся складывать отбитое мясо.

– Насчет Насти – это ты серьезно? – спросила она. – Она действительно собралась уходить?

– А куда ей деваться? Ей сорок пять исполнилось. И с Афоней нашим ей не ужиться, он ее поедом ест. У Каменской диссертация почти готова, ей предлагают на кафедру переходить, должность полковничья, так что звание она получит. А под Афоней ей ничего не светит, он категорически отказывается ее в должности повышать. У нас уже почти весь личный состав разбежался, только самые толстокожие вроде меня могут терпеть его придурь. Правда, Афоня на повышение собрался, со дня на день нового начальника представят, но он, боюсь, будет еще хуже.

– Кто таков – известно?

– Известно. Молодой и резвый, из центрального аппарата. Афонино хамство Настя еще кое-как терпела, все-таки они ровесники. А представляешь, что с ней будет, если ей какой-то сопляк нахамит? Да она двух минут на службе не останется.

– Ну почему ты думаешь, что он обязательно нахамит? – с упреком сказала Ира. – Может, он окажется нормальным здравомыслящим воспитанным мужиком.

– Ой, не смей меня, – фыркнул Юра. – Где ты таких видела? Даже в вашем хваленном кино таких уже давно нет, а уж в милиции-то и подавно. Если Настюха уйдет, вообще работать не с кем будет, один Серега Зарубин останется, все остальные – молодняк необученный.

В кухне снова появился Гриша, и по его сосредоточенной мордашке было понятно, что у ребенка созрел очередной животрепещущий вопрос.

– Мама, а когда Ира придет, как мы их различать будем?

– Кого – их?

– Ну, нашу Иру и тетю Иру, – он кивнул в сторону Ирины Савенич. – Их же зовут одинаково, как же их различать?

Под «нашей Ирой» мальчик подразумевал жену Миши Доценко Ирочку.

– По лицу, – дал дельный совет Коротков.

– Дядя Юра, я серьезно спрашиваю. Надо придумать им отдельные имена, чтобы никто не путался. Пусть наша Ира будет Наша Ира, а ваша тетя Ира будет просто Ира.

– Интересно, – возмутился Коротков, – а моя Ира, выходит, не наша, что ли? Нет, так не пойдет.

– Тогда пусть будут Ира Большая и Ира Маленькая, – выступил Гриша с новой инициативой. – Тетя Ира же высокая, а наша Ира маленькая.

– Ты еще скажи, что я толстая, а ваша Ира худенькая, – заметила Ирина, смешивая в стеклянной салатнице какой-то сложный соус.

– Но... – начал было Гриша и осекся, поймав предостерегающий взгляд Татьяны.

Всем было очевидно, что он собирался сказать: «Но ты же и в самом деле толстая, а наша Ира худенькая». Проблема веса была для Ирины Савенич болезненной и постоянной. То есть для просто красивой тридцатипятилетней женщины она выглядела отлично, но для актрисы была крупновата и много лет боролась с килограммами, которые так и норовили скопиться и укорениться на талии и бедрах. Татьяна опасалась, что ее не в меру прямолинейный ребенок

ненароком обидит гостью, и постаралась перевести разговор на что-нибудь более безопасное, но обстоятельный Гришенька не желал мириться с тем, что вопрос не решен, и предлагал все новые и новые варианты. Дискуссию прервал звонок Миши Доценко, который удрученно сообщил, что его мама плохо себя чувствует и посидеть с восьмимесячной внучкой не может, а посему его жене Ирочке придется остаться дома с ребенком. А сам он уже упаковал пироги в коробку и через десять минут выходит.

– Ира не придет? – уточнил Гриша. – Значит, можно пока ничего не придумывать.

И гордо удалился.

* * *

– Ну Виктор Алексеевич, ну давайте поедem к Стасову, а? Там Коротков какое-то необыкновенное мясо сооружает, мы с Лешкой полную машину сладких вкусовостей везем. Повиде-мся, посидим все вместе. А, Виктор Алексеевич? – уговаривала Настя Каменская своего быв-шего начальника.

Она заехала к Гордееву, чтобы поздравить его с профессиональным праздником и вру-чить подарок, который покупали коллективно от имени всех, кто работал когда-то под его нача-лом. Ее муж Чистяков должен был через пятнадцать минут ждать Настю на улице, в машине, и она надеялась за оставшиеся четверть часа все-таки уломать Колобка и привезти его туда, где собиралась компания.

– Не могу, Настасья, ну вот ей же крест – не могу! – божился полковник в отставке. – Ты ж должна понимать: внук – это святое.

Старший внук Виктора Алексеевича успешно занимался в динамовской секции дзюдо, и именно сегодня у него должны состояться ответственные соревнования. Разумеется, и речи быть не могло о том, чтобы не прийти поболеть за парнишку. Иначе – смертельная обида.

– Просто вы нас уже не любите, – удрученно вздыхала Настя. – Как ушли в отставку – так и забыли нас. С глаз долой...

– Да никого я не забыл, – сердился Гордеев. – И люблю, и скучаю. Но внук же, пойми ты. Вот уйдешь со службы – я посмотрю, как ты будешь выбирать между бывшими коллегами и действующим мужем или братом. Посмотрю-посмотрю!

От этих слов Настя окончательно расстроилась. Перспектива ухода ее пугала, бросать работу не хотелось отчаянно, но и служить дальше казалось невозможным. К Афанасьеву, при-шедшему руководить отделом после Гордеева, она кое-как притерпелась, но Афоня собрался на повышение, и уже в понедельник им представят нового начальника, с которым – Настя была на двести процентов уверена – она не сработается. Новый назначенец, как ей сказали, довольно молод, а какой же молодой руководитель потерпит под своим началом старых опытных работ-ников, которые лучше него знают, как и что надо делать?

– Ну чего ты киснешь, Стасенька? – ласково спросил Виктор Алексеевич, заметив ее огорчение. – Уходить совсем не страшно, поверь мне. Вот я вышел в отставку, полгода дома посидел, отоспался, книжек начитался, телевизор насмотрелся, с внуками натетешкался, а потом пошел работать – и прекрасно себя чувствую!

– Сравнили! – горестно усмехнулась она. – Вы у собственного сына работаете, службу безопасности в его фирме налаживаете. Ваш шеф вас не только уволить не может, но и даже голос на вас повысить. А где мне такую работу найти? Кому я нужна? Сорок пять лет, да еще женщина. Меня даже в секретарши никто не возьмет.

– Ты давай-ка не придируйся, – строго прикрикнул Гордеев. – При чем тут секретарша? Тебя же на кафедру приглашают, должность доцента дают. В мое время доцентом без канди-датской степени не назначали, можно было рассчитывать максимум на старшего преподава-теля. А тебе – вишь! – какая удача привалила, а ты куksiшься.

– Это не удача, а обыкновенный кадровый голод. Преподавать некому, вот и приманивают должностями. И потом, я через неделю на кафедре обсуждаюсь, все равно понятно, что где-то через полгода я буду защищаться. Но я не хочу преподавать!

Настю охватило такое отчаяние, что она чуть не расплакалась. Конечно, после этого разговора настроение у нее испортилось донельзя, и в машину к мужу она садилась мрачная и молчаливая. Алексей давно уже перестал в подобных ситуациях задавать вопрос «что случилось?» Чего спрашивать, когда все и так ясно. С того дня, как Насте исполнилось сорок пять, то есть в последние пять месяцев, причина для плохого настроения была у нее всего одна, но зато постоянная: необходимость принимать решение об уходе из уголовного розыска. Полтора года назад она решила, что нужно написать и защитить диссертацию, чтобы в критической ситуации было куда уйти, не снимая погон. Но тогда ей казалось, что времени еще много, целый год, а год этот оказался почему-то самым скоротечным в ее жизни, и вот момент принятия решения настал, а она оказалась к нему не готова. Не может она бросить эту работу, такую тяжелую, неблагодарную, изматывающую, но такую любимую! И бросить не может, и оставаться возможности нет.

– Колобок говорит, уходить не страшно, – негромко проговорила она, не глядя на Лешу.

Это была первая фраза, которую Настя произнесла по дороге к дому Стасова. До этого момента они с Лешей словно разговаривали молча, читая мысли друг друга и отвечая на невысказанные вслух вопросы, и слова ее прозвучали просто как продолжение давно ведущегося разговора.

– Асенька, на самом деле страшно только терять близких и умирать самому. Со всем остальным можно легко справиться. Ты посмотри на Стасова: он уже десять лет как снял погоны – и живет себе припеваючи. А Мишка Доценко? Тоже ведь не жалуется.

– Еще бы ему жаловаться, – невесело усмехнулась она. – Он у Стасова работает. И потом, они оба – мужики.

– Ну хорошо, а Татьяна? – не сдавался Чистяков. – Она-то не мужик. Вот мы сейчас приедем – ты с ней поговори и убедишься, что и у нее все в полном шоколаде. А она, между прочим, вообще не работает, дома сидит, ребенка воспитывает, хозяйством занимается. Ася, я понимаю, для тебя главная проблема – отношения с начальством, тебе только с Гордеевым было хорошо, с любым другим начальником на любой работе тебе будет плохо, даже если ты в своем любимом розыске останешься. Второго Гордеева у тебя никогда не будет, это очевидно, поэтому где бы ты ни работала – тебе всегда будет некомфортно. Уходи со службы, сиди дома, читай книги, наслаждайся жизнью. Татьяна тебе подтвердит, что я прав.

– Таня дома работает, книжки свои пишет. А я что буду делать? Ши тебе варить? Носки стирать?

– Между прочим, ничего плохого в этом нет.

Настя умолкла. Бессмысленный разговор, тысячу раз повторенные слова, многократно опробованные аргументы, и все это ни к чему не приводит. Не может она принять решение. Не может.

* * *

С Татьяной они не виделись почти полгода. Регулярно общались по телефону, а повидались все времени не было. Татьяна показалась Насте слегка пополневшей, но это вполне могло быть ложным эффектом, которое создавало светлое свободного покроя платье.

– Цветешь, молодая пенсионерка, – бодро заметила Настя, целуя хозяйку дома.

Она решила взять себя в руки и не показывать плохого настроения. Праздник же все-таки!

– Цвету, – с улыбкой согласилась Татьяна.

Доценко с пирогами уже прибыл, ждали только Стасова, у которого в субботний день случились-таки какие-то неотложные дела на работе. Настя улучила удобный момент, чтобы поговорить с Татьяной наедине.

– Тань, как тебе на пенсии сидится? Нормально?

Татьяна внимательно поглядела на нее, потом кивнула, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями, и осторожно прикрыла дверь в кухню, где они обе в эту минуту находились.

– Значит, Коротков не ошибся? Собираешься уходить?

– Не знаю. Страшно, – призналась Настя. – Колобок говорит, что не надо бояться, что это совсем не страшно и все будет отлично. Мишаня, кажется, тоже доволен. А ты что скажешь?

– Я? – Татьяна вытащила из пачки сигарету, прикурила, сделала несколько затяжек. – А ты что, не видишь сама?

– Что я должна видеть? Ты прекрасно выглядишь...

– Ну конечно. Ты не замечаешь, как меня разнесло? Я поправилась за полгода на десять килограммов.

– Как – на десять? – ахнула Настя.

Значит, ей не показалось, Татьяна действительно пополнела.

– Только не делай вид, что это незаметно, – грустно улыбнулась та.

– Ну... чуть-чуть...

– Чуть-чуть – это потому что платье такое, скрадывает формы. А на самом деле – тихий ужас. Плохо мне, Настюша, очень плохо. А выгляжу я хорошо, потому что два часа макияж делала и настроение к приходу гостей специально поднимала. Видела бы ты меня умытую. Краше в гроб кладут.

– Так ты болеешь, что ли? – испугалась Настя.

– Ага, болезнь называется «дурь». Или депрессия. Знаешь, я когда уходила со службы, так радовалась! Думала, вот, наконец, выплусь, ребенком займусь, времени свободного – уйма, книги свои буду как пирожки печь, кучу денег заработаю. А что вышло? Целыми днями сижу на диване и плачу. Иногда даже рыдаю. За полгода ни строчки не написала, из издательства звонят постоянно, а мне им даже ответить нечего. Ни к чему руки не лежат, ничего делать не хочется, только свернуться калачиком на диване и реветь. Стасов не знает, что со мной делать, он, по-моему, придумывает себе всякие занятия на работе, чтобы не приходить домой слишком рано и не созерцать целый вечер мою зареванную физиономию. Я уже опухла от постоянных слез. Теперь я понимаю, почему люди, выйдя на пенсию, начинают болеть и быстро стареть.

Она говорила спокойно, почти весело, словно подшучивая на собой, но Настя видела, что на самом деле Татьяна чуть не плачет.

– Неужели так тяжело? – спросила она с сочувствием.

– Очень.

Татьяна помолчала, глядя в окно, потом быстро вытерла выступившие слезы.

– Нельзя так резко... Всю жизнь прожила под словом «надо». Надо утром встать, умыться, одеться и идти. В детский садик, в школу, в университет, на работу. Все время надо, надо, надо... Казалось, это слово меня задушит, задавит, мне так хотелось от него избавиться, сбросить с себя, проснуться утром в будний день и понять, что НЕ НАДО. Что можно не вставать, не одеваться и никуда не идти. Я думала, что этого мне будет достаточно для полного счастья, потому что все остальное у меня уже есть: любимый муж, любимый сын, друзья, дело, которое приносит хороший доход. А оказалось, что все не так. У меня нет ни одного повода чувствовать себя несчастливой, а я чувствую. И объяснения этому нет. Нет объяснения, понимаешь? – она повысила голос, и в нем зазвучали истерические нотки. – А есть только слезы и ощущение, что идти больше некуда, и жизнь кончилась, и в ней больше не будет ничего радостного и светлого. Это и называется депрессией.

Настя сидела, ссутулившись, смотрела неподвижными глазами на яркую коробку с конфетами и не знала, что сказать.

– Так что если тебе нужен мой совет, – продолжала Татьяна после паузы, – то не уходи со службы. Мужикам это почему-то дается легче. То ли они устроены по-другому, то ли у баб ощущение конца жизни появляется раньше... Не знаю. Но если ты еще можешь работать – не уходи. Сидение в четырех стенах, при всей кажущейся привлекательности, счастливой тебя не сделает, это точно.

Настя открыла было рот, чтобы сказать, что ей сделали предложение о переходе на преподавательскую работу, но дверь распахнулась, и в кухню ворвался негодующий Коротков.

– Девчонки, ну что за бардак! Мясо через десять минут будет готово, а мы еще по первой не выпили и закуску есть не начинали. Тань, давай без Стасова садиться за стол, сколько можно его ждать.

– Давай, – согласилась она. – Пошли, будем садиться.

За столом Татьяна была оживленной, смеялась, ухаживала за гостями, и Настя, исподтишка наблюдая за ней, думала о том, что чужой опыт все равно не заменит собственного. Колобок говорит, уходить не страшно, Татьяна утверждает, что лучше этого не делать. Кто из них прав? Все равно не узнаешь, пока сам не попробуешь. Надо принимать решение. Но, Боже мой, как не хочется!

* * *

Он считал, что в последнее время ему не очень-то везло. Нет, не так, – поправлял он сам себя, – не в последнее время, а до последнего времени. Потому что, решив прервать полосу сплошной безденежной обломной невезухи, он придумал, как можно срубить бабки, а начав осуществлять свой хитрый замысел, внес в него некоторые коррективы и понял, что все должно получиться еще легче, чем планировалось.

Батарея была приятно теплой, в домах уже топили, и Чигрик, сидя на подоконнике, впал в некоторое подобие блаженной истомы. Скоро должен явиться хмырь, а следом за ним – его баба. Сегодня Чигрик еще с пустыми руками, осматривается пока, прикидывает, что к чему, расписание чужой жизни составляет и уточняет, а вот уж в следующий раз начнет работать в полную силу.

Он наслаждался сам собой, собственной рассудительностью и осмотрительностью, гордился тем, что не торопится и действует обстоятельно и без суеты, но и без излишней медлительности. В какой-то умной книжке он прочел, что человек от природы стремится к достижению максимального результата, то есть хочет получить как можно больше прибыли при минимуме вложений. Поэтому человек от природы – вор, ибо вместо того, чтобы долго и упорно зарабатывать, куда проще и быстрее украсть. Это Чигрику понравилось. А то предки совсем задолбали своими нотациями на тему «работать и учиться, получать профессию». На фига это нужно-то?

Он уже и сам не помнил, откуда взялась его кликуха – «Чигрик», то ли от «чирика», как именовались давным-давно красные десятирублевые купюры, то ли от чирьев, которые всю жизнь его мучают, регулярно появляясь то на шее, то на спине, то в паху. А может быть, с тех незапамятных времен, когда он, шестиклассник, стоя у доски, записывал мелом

фразу под диктовку учителя, и вместо «чего» написал «чиго». Много лет с тех пор прошло, сейчас ему уже двадцать пять...

Он ловко сквырнул крышечку с горлышка пивной бутылки и сделал два больших глотка. Хорошо пошло! И подоконник удобный, широкий, и этаж – из жилых последний, выше только чердак, поэтому никто мимо Чигрика не ходит, а ему самому со своего места отлично видна дверь квартиры. Сидеть можно сколько угодно, хоть до завтра, в глубоких карманах куртки

лежат еще две бутылки пива, пакетики с чипсами и сигареты, так что не пропадет. И в туалет можно не бегать, на один пролет поднялся, туда, где вход на чердак, – и полный порядок.

Чигрик ждал терпеливо и, наконец, дождался. Лифт остановился на последнем этаже, двери начали раздвигаться, и Чигрик моментально соскочил с подоконника и сделал шаг в сторону, чтобы остаться незамеченным и в то же время видеть, кто пришел и в какую квартиру. Увиденное его сильно озадачило.

* * *

Наталья Максимовна Седова (после развода она не стала менять фамилию) слушала дочь и одновременно гладила юбку. Одна складка отчего-то все время заглаживалась не так, как надо, и Наталья сердилась на юбку за ее слишком сложный крой, на себя – за собственную неловкость и на дочь – за то, что она говорила. Соня только что вернулась из ресторана, где встречалась с отцом.

– Я не понимаю, почему он не может поехать со мной вдвоем куда-нибудь, – возмущалась девушка. – Со своей Миленой ездит, а я? Почему мы должны ехать втроем? Какая-то потаскуха ему дороже меня, что ли?

– Сонечка, у отца нет денег на такие вояжи, – терпеливо объясняла Наталья.

– Но с Миленой же он ездит!

– Они ездят на ее деньги, понимаешь? Миленка много зарабатывает, а у отца зарплата совсем небольшая, ему такие расходы не по карману.

– Как же, зарабатывает она, – фыркнула Соня. – Она же учится, ты что, забыла?

– Она учится только первый год, а до этого она работала, и на эти деньги они сейчас живут. Ты не можешь требовать, чтобы папа возил тебя за границу на деньги совершенно посторонней для тебя женщины. Это просто неприлично.

Наталья перевернула юбку другой стороной и с раздражением убедилась, что складка опять заглажена неправильно. Да что ж за напасть-то! И зачем только она ее купила? В магазине ведь попробовала, забрала ткань в горсть и сильно сжала, и тогда ей показалось, что юбка не мнется, поэтому обилие складок не смутило в момент покупки. А стоило пару раз надеть на работу – и пожалуйста, уже приходится гладить.

– Ну хорошо, – не отставала Соня, – тогда скажи Илье, пусть он нас отвезет куда-нибудь в шикарное место на Новый год. У нас уже все девчонки ездили, только я одна как не знаю кто... Или скажешь, что Илья тебе тоже посторонний и на его деньги ездить неприлично?

Наталья вздохнула и снова принялась укладывать непокорные складки. Что тут ответишь? Илья – не посторонний, она любит его, они вместе вот уже пять с лишним лет, но это «вместе» какое-то... условное, что ли. Они не живут в одной квартире, они просто встречаются, ходят в театры, рестораны, ездят на загородные прогулки, два-три раза в неделю занимаются любовью. И все. Илья даже не остается у нее на ночь и Наталью не приглашает ночевать у себя. Отношения, которые с самого начала развивались быстро и бурно, вдруг в какой-то момент словно заморозились и остановились, не двигаясь ни к браку, ни к разрыву. Наталья одно время заподозрила, что у Ильи кто-то есть, может быть, даже жена или постоянная любовница, с которой он по каким-то причинам не хочет или не может расстаться, и в те моменты, когда он приглашал ее к себе, пристально и придирчиво оглядывала каждый уголок его небольшой квартиры, выискивая признаки присутствия здесь какой-нибудь еще женщины, кроме себя самой. И ничего не обнаружила. Илья был ласков, внимателен, заботлив, делал подарки, прекрасно относился к Соне, не давал явных поводов для ревности, но о женитьбе не говорил ни слова. И вообще, в их отношениях не было ни малейшего намека на то, что принято называть «ведением совместного хозяйства». Наталья не стирала и не гладила его сорочки, на ее кухне не стояла его любимая чашка, в ванной не было его бритвы. А в его квартире не было

ее халатика, расчески и зубной щетки. Она даже не знала, сколько Илья зарабатывает. Знала только, что он программист и что не бедствует, но по силам ли ему такая поездка, какую хочет Соня?

– Я считаю, что ты должна его бросить, – заявила дочь. – Давай лучше поедem в Австрию к этому твоему... ну как его... Андреасу, он же приглашал.

Разговор об Австрии Соня заводила уже не в первый раз, и Наталью от этого передергивало. Андреас ей, конечно, нравился, он был очень симпатичным, очень умным и очень обаятельным, и ей было приятно, когда он сначала оказывал ей небольшие, а потом и более серьезные знаки внимания. И ресторан, в который он как-то пригласил ее пообедать, был куда более дорогим, чем те, куда она ходила с Ильей. Наталья уже пожалела, что рассказала об этом обеде дочери: Сонька откуда-то знала, какого высокого ранга это заведение, и сразу же сделала выводы.

– Класс! – восторженно завопила тогда Соня. – У него, наверное, деньжищ уйма. Давай, мамуля, не упускай свой шанс. Поедем в Австрию, будем жить как нормальные люди.

– Прекрати, – осадила ее Наталья, – никуда мы не поедem.

– А что, здесь куковать, что ли? На твои копейки? Илья на тебе не женится, так и просидим, как две дуры.

Наталья в тот раз, помнится, страшно кричала на Соню, пыталась объяснить ей, что нельзя не только так говорить – даже думать так отвратительно, но толку, судя по всему, не было. Материнского крика девушка не испугалась и упорно продолжала гнуть свою линию. Илью надо бросить, срочно ехать в гости к Андреасу и приложить максимум усилий к тому, чтобы женить его на себе и остаться жить за границей.

Вот и сейчас Соня взялась за свое:

– Если ты не можешь поговорить со своим Ильей, я сама ему скажу.

– Интересно, что? – усмехнулась Наталья.

– Что или пусть везет нас куда-нибудь на Новый год, или мы с тобой поедem в Австрию к Андреасу. Что мы, дуры какие-нибудь – в Новый год в Москве сидеть? Все нормальные люди за границу уезжают.

Наталья посмотрела на дочь устало, печально и как-то отстраненно, как на постороннего человека. Красивая девочка. Стройная, с тонким лицом, модно подстриженными темными волосами, и одета хорошо, спасибо Павлу и Илье, они оба регулярно дарят Соне модные тряпочки, сама Наталья на свою учительскую зарплату такой гардероб не потянула бы. Хорошо еще то и дело случаются подработки в качестве переводчика, ведь ее специальность – немецкий язык. Но денег все равно не хватает. И вот стоит перед ней красивая модно одетая семнадцатилетняя девушка, и глазки вроде бы умненькие, а какое безобразие у нее в голове! Ну откуда, откуда у ее дочери завелись такие омерзительные представления о жизни, такие непомерные требования к окружающим, которые должны, обязаны «делать ей хорошо», и непременно чтобы «не хуже, чем у других». А желательно, даже лучше. Она, кажется, вообще не принимает в расчет такое понятие, как любовь, она думает только о деньгах, которые, к тому же, не сама заработала. Неужели все ее поколение такое? Или это она, Наталья, в чем-то упустила своего ребенка, где-то недосмотрела, чему-то недоучила, на что-то не обратила вовремя внимания? И можно ли это как-то исправить, или уже поздно?

Она выключила утюг и молча повесила непокорную юбку в шкаф. Придется отдать в химчистку, пусть там специалисты с ней мучаются.

– Ну что ты молчишь, мам? – не унималась Соня. – Ты сама поговоришь с Ильей?

– Я не буду ни о чем ни с кем разговаривать, – тихо и отдельно произнесла Наталья. – И я больше не желаю слышать эти разговоры. Кроме того, я тысячу раз просила тебя не называть Милену потаскухой. Ты не имеешь права так говорить о ней.

– Почему это? – глаза Сони яростно засверкали. – Из-за нее папа нас бросил, а я должна перед ней на цыпочках ходить и в рот ей смотреть?

– Тебе отлично известно, что к нашему разводу Милена не имеет никакого отношения. Отец даже не был с ней знаком в то время.

– Откуда ты знаешь? Что ты вообще о нем знала, когда разводилась? Что он тебе изменял? Так он с Миленой своей тебе и изменял, между прочим.

– Это неправда. Отец действительно мне изменял, и ты это прекрасно знаешь. Но Милена тут совершенно не при чем. Все, я больше не желаю это обсуждать.

– А я желаю обсуждать! – вспыхнула Соня. – Из-за чего же вы развелись, если не из-за нее? Из-за Ильи твоего, что ли?

Наталья молча разглядывала висящие в шкафу вещи. Ладно, бог с ней, с юбкой, хотя и очень хотелось ее сегодня надеть. Надо выбрать что-нибудь другое, но такое, что нравится. Для поднятия настроения.

– Ты уходишь? – спросила дочь, увидев, что Наталья достала брюки и пиджак.

– Да.

– К Илье?

– Да.

– Значит, скажешь ему?

– Я тебе ответила.

– Ну и пожалуйста! – в слезах выкрикнула Соня. – Не хочешь – не надо, ну и сиди в Москве. А я найду, с кем поехать! Я папу уговорю! И пусть с Миленой, пусть втроем, я все равно поеду! Тебе назло!

Она выскочила из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью.

Наталья несколько раз глубоко вдохнула, подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению. Она никому не позволит испортить себе субботний вечер.

* * *

Она очень старалась быть веселой, но Илья, конечно, все равно заметил, что она расстроена. Он чувствовал ее настроение безошибочно.

– Что-то случилось? – заботливо спросил он уже через пять минут после того, как Наталья села в его машину.

– Да Сонька... – Наталья вздохнула и вяло махнула рукой. – Ума не приложу, почему она такая выросла. В голове одни деньги и стремление не отстать от других.

– И что на этот раз?

– Хочет на Новый год поехать за границу. И ведь знает прекрасно, паршивка, сколько я зарабатываю, понимает, что мы не можем себе этого позволить, а все равно: вынь и подай ей поездку. К Павлу сегодня приставала с этим, потом ко мне.

– К тебе? – удивился Илья. – При твоей зарплате?

Наталья умолкла. Ей хотелось поделиться с ним, рассказать подробно о разговоре с дочерью, посетовать, пожаловаться. Илья выслушает ее, посочувствует, а может быть, и даст дельный совет. Но ведь тема такая щекотливая... Ни разу за все годы, что они знакомы, Наталья не попросила у него ни рубля, в этом просто не было необходимости: Илья всегда точно улавливал, когда у Натальи возникала острая необходимость в деньгах, и под тем или иным предлогом оказывал финансовую помощь. В разумных пределах, конечно, но неразумных потребностей у Натальи и не возникало.

– Она, видишь ли, Илюша, считает, что эту поездку мог бы оплатить ты, – наконец, решилась она. – Ей кажется, что у тебя достаточно денег на это. И откуда у Сони появилась такая отвратительная привычка рассчитывать на чужие деньги?

Вот так. Без каких бы то ни было намеков и недомолвок. В конце концов, ближе Ильи у нее никого нет, и всякие фокусы тут совершенно неуместны.

– Милая, у меня нет таких денег, – мягко сказал Илья.

– Да я понимаю, Илюша, – торопливо заговорила она, – я же не к тому... У меня и в мыслях не было, чтобы ты... Я просто не знаю, что с Сонькой делать.

– Может быть, тебе стоит поговорить с Павлом? – предложил он.

– О чем? О том, как ребенка воспитывать? – усмехнулась Наталья.

– О том, чтобы он устроил ей эту поездку.

– Да ты что? Он без Милены не поедет.

– Ну и пусть поедут вдвоем. Что в этом такого?

– Да ничего такого, ты прав, только Сонька ее терпеть не может. С Миленой она не поедет. Она хочет, чтобы отец ехал с ней вдвоем, представляешь? Но на деньги Милены. Павел пытался объяснить ей, что так не получится, но она ничего и слышать не хочет. Не хочет считаться с тем, что ее родители – государственные служащие, и их зарплата таких поездок не выдержит. Вбила себе в голову, что раз у отца есть Милена, которая много зарабатывает, а у меня – ты, то она имеет право на твои и Миленины деньги. И никакие мои увещевания не помогают, ничем из Сони этого не вышибить. Ты знаешь, – Наталья внезапно улыбнулась, – она даже начала продвигать мне идею насчет Андреаса, ну, того бизнесмена из Австрии. Помнишь, я тебе рассказывала?

– Помню, – кивнул Илья.

– Он ведь приглашал меня приехать к нему, предлагал работу на своей фирме, а я, дура, имела неосторожность сказать об этом Соне. Вот она и завелась, мол, давай поедem к нему на Новый год. Хочет, чтобы я попробовала окрутить его и женить на себе, и тогда мы с ней переехали бы жить в Австрию. Как тебе это нравится?

– Мне это совсем не нравится.

Голос Ильи прозвучал неожиданно резко, и Наталья вдруг подумала, что вот сейчас и начнется тот самый главный разговор, которого она так давно ждет. Ну сколько можно «просто встречаться»? Что они, школьники, что ли? После стольких лет интимного общения люди либо начинают жить вместе, либо расстаются.

Но ожидания ее не оправдались. Илья заговорил о чем-то совершенно постороннем, и в какой-то момент Наталья почти физически ощутила, как он отдаляется от нее. Еще несколько минут назад она была уверена, что Илья – ее самый близкий, родной человек, а теперь почувствовала себя ужасно одинокой. Ей даже стало холодно, хотя печка в машине работала вполне исправно.

* * *

Наталья Максимовна была воспитана в твердом убеждении, что не только считать чужие деньги – даже думать о них неприлично для человека, который хочет хотя бы чуть-чуть уважать самого себя. Эту мысль с самого детства внушали ей родители, и с этой мыслью она продолжала жить до сих пор. Надо сказать, что в нынешние непростые для работников бюджетной сферы времена подобная привычка не думать о чужих деньгах и, соответственно, не сравнивать собственное финансовое положение с положением других людей очень выручала Наталью. Она никому не завидовала и ни на кого не оглядывалась, она просто искренне считала, что все люди живут по-разному, кто-то побогаче, кто-то поскромнее, это нормальное положение вещей и не нужно об этом думать. За все годы знакомства с Ильей Бабицким ей в голову не пришло поинтересоваться, сколько он зарабатывает и вообще сколько у него денег. Ей казалось, что ее это совершенно не касается. Она бывала искренне благодарна ему за своевременные и полезные подарки, но никогда специально не ждала их и уж тем более не просила. Поэтому то обстоя-

тельство, что воспитанная ею дочь Соня вела себя совсем не так, как ее мать, сильно огорчало Наталью Максимовну.

Второй заповедью, внушенной ей с детства, была необходимость своевременного замужества и рождения ребенка. Быть не замужем – неприлично. Завести семью, то есть мужа и детей – необходимо. Наташа была красивой девушкой, но родители, сторонники строгости и аскетизма во всем, вплоть до эмоций, сумели внушить ей, что она – самая обыкновенная, и судьба у нее должна быть стандартная, как у всех. Школа с хорошим аттестатом, институт, работа по профессии, желательно в одной и той же организации, но с умеренным карьерным ростом, брак с одним и тем же мужчиной, в пятьдесят пять лет – выход на заслуженный отдых. Поэтому Наташа вышла замуж за первого же поклонника, который сделал ей предложение. К Павлу Седову она относилась хорошо, считала его приятным парнем, тем более родители кандидатуру жениха одобрили: образование хорошее, работа по тем временам престижная, зарплата, соответственно, не стыдная. О том, что она мужа не любит, Наташа догадалась года через три, когда уже появилась Сонечка. Со временем, по мере отдаления от родителей и освобождения от их авторитета, мысль о разводе все чаще приходила ей в голову, но чем дольше жила она с Павлом, тем труднее было этим мыслям пустить корни, и Наталья усилием воли изгоняла их, не дав осесть. Ну в самом деле, как сказать человеку, что ты больше не хочешь с ним жить, если он не сделал ничего плохого, не обидел тебя ничем, не изменяет, не пьет по-черному, не бьет? Что тебя не устраивает, если раньше все устраивало? Ничего же не изменилось. Можно было бы придаться к регулярным выпивкам, но Наталья была женщиной разумной и понимала, что в работе Павла без этого не обойтись, и все его коллеги пьют, кто больше, кто меньше, но пьют все. Он ни разу не явился домой нетрезвым до неприличия, не валялся в прихожей, оглашая квартиру громовым храпом, и уж тем более у него не случалось запоев и похмелья. Да, ей было скучно с Павлом, который совсем не читал книг, а по телевизору смотрел исключительно новости и боевики, но разве это повод для развода, когда растет общий ребенок? Даже говорить смешно.

На самом деле ей очень хотелось развестись, но Наталья была уверена, что это абсолютно невозможно. Авторитет родителей ослабел, но полученное воспитание и выпестованный в советское время менталитет заставляли ее держаться за ненужный ей брак. И даже появление в ее жизни Ильи Бабицкого не повлияло на решимость уйти от мужа.

Илья ухаживал долго и красиво, не был излишне настойчив, водил ее в театры, на концерты и на выставки, и на близость с ним Наталья отважилась лишь спустя полгода после знакомства. Ее тут же начало грызть чувство вины перед Павлом, которого она никогда не любила. Еще месяц прошел в мучениях и угрызениях совести, а потом случилось то, что случилось.

В тот вечер они с Ильей ходили в «Современник». Павел дежурил, Соня уехала с классом на трехдневную экскурсию, и дома Наталью никто не ждал, так что можно было не спешить. После спектакля зашли выпить кофе в симпатичное заведение на Чистых прудах, потом Илья подвез ее домой. Они долго сидели в машине, потом вышли и остановились у двери подъезда. Расставаться не хотелось, обниматься с риском быть замеченными соседями – тоже, стояли и разговаривали, когда к ним подошел молодой парень с пакетом в руках.

– Простите, вы – Наталья Максимовна? – вежливо спросил он.

– Да, – кивнула Наталья. – А в чем дело?

– Вам просили передать.

Парень сунул ей в руки пакет и быстро пошел прочь.

– Подождите! – крикнула ему вслед Наталья. – Что это? От кого пакет?

Но он только ускорил шаги и скрылся за углом. Она так растерялась, что даже не попыталась догнать незнакомца. Илья тоже стоял как вкопанный, не сводя с нее вопросительного взгляда.

Пакет был самым обыкновенным, полиэтиленовым, фирменным, с напечатанным названием и логотипом известной сети супермаркетов, такие пакеты выдают бесплатно на кассе всем покупателям в неограниченном количестве. В нем лежало что-то завернутое в упаковочную бумагу, по формату похоже на книгу. Наталья вынула сверток и собралась было вскрыть его, но Илья схватил ее за руку.

– Не трогай!

– Почему?

– Ты что, забыла, где работает твой муж?

– А при чем тут Павел? Это же для меня пакет, а не для него, – не поняла она.

– Наташа, я тебя умоляю... Твой муж – сотрудник отдела по борьбе с наркотиками, а ты – его жена. Ты что, совсем ничего не понимаешь? Ты не понимаешь, какие деньги за всем этим могут стоять?

– Ты думаешь, это взятка? – испугалась Наталья.

– Это может быть и взятка, и взрывное устройство, и что угодно еще. Не открывай сверток сама.

– А как же тогда? Павла ждать?

– Наташенька, это, – он осторожно высвободил сверток из ее рук, – вообще нельзя нести домой. Ну ты представь: тыходишь к себе в квартиру, открываешь его, а там деньги, причем немалые. Ты их трогаешь, рассматриваешь, считаешь, а в это время раздается звонок в дверь и на пороге появляются сотрудники службы внутренней безопасности или еще кто-нибудь, кто борется с коррупцией. И всё, Наташенька. Ты никому никогда ничего не докажешь. Деньги в доме, где проживает Павел, на них следы рук его жены, то есть деньги в семью попали, и пойдет твой Павел по длинному этапу. Это может быть обыкновенной подставой, понимаешь? А если это взрывное устройство, если кто-то хочет запугать твоего мужа или свести с ним счеты?

– Так что же делать? Выбросить?

– Нельзя. Если это деньги, то и черт с ними, а если это взрывчатка? Кто-нибудь найдет, откроет, могут погибнуть люди. Надо обратиться к специалисту.

– К какому? Где я возьму такого специалиста? Послушай, Илюша, я сейчас позвоню Павлу...

– Отлично, – усмехнулся он. – И как ты себе это представляешь? Мы с тобой стоим здесь и ждем твоего мужа, он приезжает, ты нас знакомишь и объясняешь, при каких обстоятельствах получила пакет. Так? И что будет потом?

– Но тебе не обязательно ждать вместе со мной, ты можешь уехать...

– И оставить тебя одну рядом с бомбой? Поздно вечером на улице? Ты за кого меня принимаешь? Наташа, возьми себя в руки. Сейчас я позвоню своему приятелю, он в этом разбирается. Он приедет и посмотрит сам. А мы пока эту посылку в руках держать не станем, мало ли что.

– Давай просто выбросим его, и всё, – решительно произнесла Наталья. – Пусть валяется в урне или в мусорном баке, а я пойду домой.

– А если взорвется? И пострадают люди? Кто-нибудь найдет, бомж какой-нибудь или, не дай бог, ребенок, развернет и... Я положу ее в машину, а мы с тобой отойдем подальше.

– А вдруг твоя машина взорвется? Давай просто положим на тротуар.

– И ее поднимет любой случайный прохожий. Нет уж, пусть лучше в машине лежит, там ее по крайней мере никто не возьмет. Ну рванет – так рванет, черт с ним, – решительно сказал Илья.

Он достал телефон, кому-то позвонил, потом осторожно положил пакет в машину и, крепко взяв Наташу под руку, перевел ее на противоположную сторону улицы. Через полчаса подъехал микроавтобус, из которого вышел солидный крепкий мужичок в униформе с надписью «Служба спасения».

– Давайте пакет, – сказал он, поздоровавшись с Ильей за руку, – у нас в машине передвижная установка, сейчас мы его проверим. Вы оставайтесь пока на улице.

От напряжения Наталью трясло, она зябко куталась в кашемировую шаль и с трудом удерживала себя от того, чтобы не прижаться к Илье. Проверка длилась недолго. Вскоре дверь микроавтобуса снова открылась.

– Ложная тревога, – с улыбкой произнес Илюшин знакомый. – Там кассета.

– Какая кассета? – тупо переспросила Наталья.

– Обыкновенная видеокассета. Никакой бомбы там нет. Так что смотрите на здоровье. Желаю вам приятного просмотра. Илюха, с тебя коньяк, – весело подмигнул спасатель.

– Заметано. Спасибо, что выручил, – улыбнулся в ответ Илья.

Спасатели уехали.

– Ну что, Наташенька? – проговорил негромко Илья, – Ты теперь считаешь меня трусом и перестраховщиком?

– Ну что ты, – горячо возразила Наталья. – Ты все сделал правильно. Спасибо тебе, Илюша.

Только сейчас она осознала, что целых полчаса провела в кошмаре, каждую секунду ожидая взрыва. Ее бросило в жар, ноги мелко задрожали и ослабели, она прижалась к Илье, напрочь забыв об окнах соседских квартир.

Илья ласково поцеловал ее в щеку.

– Давай я тебя провожу до подъезда. Дома посмотришь, что там, на этой кассете. Небось твои ученики какой-нибудь гадкий розыгрыш придумали.

Конечно, это они, больше некому. Вот ведь паскудники! Заставили ее, свою учительницу немецкого, столько страху натерпеться! А еще гимназия называется. Одаренные дети, углубленное изучение гуманитарных предметов... Такое же безмозглое хулиганье, как и всюду, только и разницы, что родители при деньгах. Не зря же говорят, что у богатых родителей дети хуже, чем у малообеспеченных, более наглые, более злые. Наверное, так и есть.

Они уже дошли до двери подъезда, когда Наталья внезапно поняла, что не сможет смотреть эту гадость одна. Она вообще не может сейчас остаться в одиночестве.

– Илюша, может, зайдешь к нам? – робко предложила она. – Я не хочу смотреть кассету одна.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет.

– Ты мне нужен сейчас, очень нужен, Илюша, ну пожалуйста, – взмолилась она. – Паша дежурит до утра, Соня уехала, вернется только послезавтра. Я тебя прошу.

– Нет, – твердо повторил он. – Я никогда не переступлю порог твоей квартиры, я уже говорил тебе это.

Да, конечно, он говорил, и неоднократно. «Нельзя приводить любовника в дом, где живешь в мужем. В этом есть что-то грязное, оскверняющее и семью, и сам дом. Ты потом себе не простишь, тебе будет неприятно, и эту неприязнь ты обратишь на меня же,» – объяснял он. Наташе, не имевшей обширного опыта супружеских измен, казалось, что это справедливо, но сейчас ей наплевать было и на справедливость, и на грязь. Ей хотелось только одного: не остаться одной.

– Дождись утра, – предложил Илья. – Муж вернется с дежурства, вместе посмотрите.

– Я к этому времени уже уйду на работу. И потом, если кассету отдали мне, а не ему, значит, она предназначена для меня. Тебе не приходило в голову, что это может быть о нас с тобой? Это шантаж. Сначала кассета, потом требование денег. Павел не должен это видеть. Илья, пожалуйста... Я должна это посмотреть, и я не могу одна... Пойдем ко мне.

– Нет, – в третий раз повторил он.

– Тогда давай поедem к тебе, – Наталья решительно повернулась и пошла к его машине. – Посмотрим кассету, потом ты отвезешь меня назад.

Дороги уже опустели, и путь до дома Ильи много времени не занял. Уже через двадцать минут они входили в его квартиру, а еще через пять на экране телевизора замелькали кадры, на которых в каком-то помещении какие-то слабо одетые мужчины и женщины весело проводили время. Ну просто очень весело. И даже, можно сказать, разнузданно. Кадры не дрожали, съемка велась явно не с плеча, а с вмонтированной в потолок видеокамеры.

Своего мужа Наталья узнала почти сразу, он занимался любовью одновременно с тремя девицами, при этом еще двое мужчин и одна совершенно голая красотка ходили мимо них, о чем-то переговаривались и весело хохотали.

– Что это? – с недоумением спросил Илья. – Домашнее порно? Твои ученики решили тебя развлечь? Или оскорбить?

– Это мой муж, – коротко ответила Наталья и нажала кнопку «стоп» на пульте. – Дальше можно не смотреть. И так все ясно.

Она сама удивилась тому, что не заплакала, не закатила истерику. На нее навалилось тупое безразличие, смешанное с отвращением. Она столько лет боялась уйти от Павла, которого не любила, потому что не считала себя вправе обидеть человека, который так хорошо к ней относится и в этой ее нелюбви, в сущности, совершенно не виноват. А он развлекался с какими-то пошлыми девками и таскал всю эту грязь домой. Наташа все прислушивалась к себе, пытаясь нащупать в душе хотя бы признаки отчаяния и ужаса, которые должны, по ее представлениям, охватывать любую приличную женщину, обнаружившую, что ее горячо любимый муж, в верности которого она была столько лет уверена, изменяет ей таким примитивным и грубым способом, да еще в групповухе, но муж не был на самом деле горячо любимым, не был уже давно, а может быть, и вообще никогда, и в голову почему-то лезло совсем другое: ощущение душной тупой скуки, которое преследовало ее все тринадцать лет супружества и особенно остро чувствовавшееся по выходным дням, а еще по ночам. Ей не о чем было разговаривать с Павлом, ему не интересны были ни книги, которые она читала, ни ее мысли, ни ее школьная служебная жизнь, а о своей работе он тем более не собирался ей рассказывать. Ему нужны были горячая обильная еда, чистота в доме и приведенная в порядок одежда, а также регулярный секс, затейливый, разнообразный и долгий, который совершенно не интересовал саму Наталью. Она вовсе не была холодной или неумелой ханжой, просто по природе своей не могла испытывать радость в объятиях мужчины, который ей скучен и, в сущности, совсем не нужен. И каждый раз она старательно выполняла то, что принято именовать супружеским долгом, пряча ту самую душную тупую скуку и притворяясь, ибо считала, что коль сама совершила ошибку, то должна сама же за нее и расплатиться. Никто не заставлял ее выходить замуж за Павла Седова, никто, она сама поспешно приняла его ухаживания и поощряла «серьезные намерения», потому что боялась не выйти замуж и остаться старой девой, что было бы совершенно, по ее представлениям, неприлично. Ей и в голову не приходило, что при ее красоте без поклонников она не останется, и среди множества кавалеров когда-нибудь окажется тот, без которого ей будет невозможно жить. Она струсила, выскочила замуж за первого же, «кто позвал», и теперь должна расплачиваться за свою девичью трусость. И вдруг выяснилось, что Павел в ее жертвах не больно-то и нуждался, жил какой-то своей веселой мужской жизнью, спал с непотребными девками, и от этого Наталья чувствовала себя особенно униженной. Ей никогда не приходило в голову, что мужчины и женщины суть существа, устроенные принципиально по-разному. Женщина, как правило (хотя бывают и исключения) не может хотеть мужчину, которого не любит; мужчина же, с точностью до наоборот, не умеет любить женщину, если он ее не хочет. Ибо в генетической памяти мужчин тысячелетиями закреплялась модель победителя, завоевателя и обладателя: не победишь мамонта, не убьешь его, не принесешь добычу к своему очагу – твоя женщина и потомство останутся без пропитания; не завоеешь

соседнее племя, не отберешь у него леса для охоты – результат тот же. А женщина, дабы взрастить потомство, должна выбрать именно победителя, который будет регулярно поставлять мясо к семейному очагу. Выбрать и принадлежать ему. То есть сделать так, чтобы он ее захотел. Быть привлекательной, соблазнительной. Будет хотеть – потом, глядишь, и полюбит. Закрепится, так сказать, возле ее очага. Мужчина же, обнаружив объект желания, старается смотреться победителем, дабы сей объект его захотел в эротическом аспекте. Для первобытного и даже рабовладельческого уклада модель эта выглядит вполне гармоничной, и хотя сам уклад с тех давних пор сильно переменялся, генетическая память почти не ослабела, ведь подумать страшно, сколько тысячелетий она формировалась и закреплялась, разве ж можно надеяться, что она так быстро сойдет на «нет». Она и не сошла. Потому и сегодня женщине сперва нужно признать мужчину хоть в чем-то превосходящим ее саму, умом ли, душевными качествами, ловкостью, талантами или богатством, или еще чем, а уж потом она начинает хотеть принадлежать ему, то есть включается сексуальный компонент. Мужчина же может хотеть и с удовольствием проводить время в постели с огромным количеством женщин независимо от их прочих характеристик, ибо характеристики эти ему, мягко говоря, по барабану. Сексуальное влечение у него первично, а душевная привязанность возникает уже потом. Или не возникает совсем.

Ничего этого Наташа не понимала и была свято уверена, что коль муж ее законный Павел Седов с завидной регулярностью, несмотря на прожитые вместе годы, занимается с ней любовью, да не абы как, а с выдумкой, интересом и энтузиазмом, стало быть, он ее любит. Сильно любит. Преданно и нежно. И как же можно человека, который так тебя любит, взять и бросить ни с того ни с сего? Как же он жить-то после этого будет? Он же дышать не сможет без нее. Сама она Павла ну ни капельки не хотела, но терпела его эротические кульбиты, причем терпела старательно, артистично, изо всех сил скрывая скуку и пытаясь сделать так, чтобы он ничего не заметил и ни о чем не догадался.

И вдруг оказывается, что все было напрасно, бессмысленно. Ему было совершенно все равно, с кем заниматься любовью, с ней ли, с теми ли девками непотребными или еще с кем... И его постельный энтузиазм свидетельствовал вовсе не о пламенной, нежной и преданной любви к жене, а всего лишь о его неумном сексуальном аппетите и недюжинной мужской силе. Всего лишь. Павел в один миг превратился в Наташиных глазах из любящего мужа в сексуально озабоченного неразборчивого кобеля. И это от него она столько лет не находила в себе моральных сил уйти? Гадко, унижительно, оскорбительно.

– Налей мне чего-нибудь, – негромко попросила она Илью.

– Воды? Валоковина? – с заботливой готовностью поднялся он.

– Выпить, – усмехнулась Наташа. – И покрепче.

Он молча налил ей большую рюмку коньяку. Наташа выпила, зажмурилась, помолчала несколько минут.

– Отвези меня домой.

– И что будет дальше?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Скорее всего, я соберу вещи, свои и Сонькины, вызову такси и уеду к родителям. С Павлом я больше не останусь. Видеть его не хочу. Уеду сегодня же ночью, пока он не вернулся. А послезавтра заберу Соню прямо от школы, когда придет автобус.

– Ты твердо решила?

– Наверное, – она снова пожала плечами. – Хотя кто знает, хватит ли у меня смелости, когда хмель пройдет.

– Наташа, – Илья сел рядом, обнял ее за плечи, – тебе не обязательно возвращаться к родителям. Ты можешь жить у меня.

– А Соня? Одно дело, если я скажу, что поссорилась с папой, и совсем другое, если она поймет, что я изменяла мужу и ушла от него к любовнику. Ей двенадцать лет, она уже большая.

– Конечно, – вздохнул он. – Прости, я не подумал. Если хочешь, я помогу тебе с переездом.

Он не пытался отговорить ее, он всячески давал понять, что рад разрыву Наташи с мужем, и это давало ей основания думать, что Илья, пусть не сразу, но все-таки сделает ей предложение. Но прошло пять лет, и все оставалось по-прежнему.

Он в ту ночь отвез ее домой и терпеливо ждал в машине, пока она соберет свои и дочкины вещи, потом вез ее в Подмосковную Балашиху, где жили родители Наташи, и все последующие месяцы был рядом, каждый день, поддерживал ее, помогал пережить тяжелые выяснения отношений с Павлом. Павел ни в чем не признавался, кричал, что это монтаж, что его подставили, потому что работа у него такая, и врагов у него великое множество, и как же она, Наташа, не понимает, что наркотики – это минное поле, по которому гуляют такие огромные деньги, что и подумать страшно, и за эти деньги наркodelьцы, которых он, Павел, отлавливает, пойдут на все, что угодно, и что кассета эта – просто попытка запугать его, показать, на что они способны, чтобы попридержать ретивого мента, заставить его остановиться, оглядеться, задуматься и сделать правильные выводы. Наташа слушала его и думала, что это вполне может быть правдой, но смотрела на мужа и одновременно понимала, что на кассете тоже правда. Никакой это не монтаж. Просто две отдельные правды, идущие параллельно, каждая своей дорогой. Да, у него наверняка есть враги, и конечно же, наркобизнес – это вам не в палатке поддельной водкой торговать, но и групповуха со срамными девками, да открытая, на глазах у двоих мужиков и какой-то абсолютно голой барышни, под пьяные шуточки и мерзкие смешки, – все это было.

Потом последовал быстрый развод и сложные, долгие и запутанные варианты купли-продажи квартир и дачи, в результате которых Павел оказался в однокомнатной квартире, Наташа с дочерью – в двухкомнатной, а Наташины родители переехали в теплую зимнюю дачу все в той же Балашихе.

Спустя короткое время в жизни Павла появилась молоденькая красавица Милена, о чем Наташе сообщила Соня, регулярно встречавшаяся с отцом. Сама девочка быстро привыкла к Илье, вернее, к тому, что и у мамы есть «друг», и все вошло в спокойную колею, и все как-то устроилось, устаканилось, но... так и оставалось все в той же колее, словно забуксовало. Павел не женился на Милене, но она все-таки жила у него, и они, благодаря высокооплачиваемой Милениной работе, вместе переехали из маленькой «однушки» в квартиру побольше, сделали в ней дорогой ремонт, купили дорогую мебель и вообще вели совместное хозяйство и ездили каждый год отдыхать на престижные и потому отнюдь не дешевые курорты, а Наташа так и продолжала «встречаться» с Ильей, а в отпуск ездила с дочерью. В принципе ее все устраивало, но все-таки непонятно было, почему он не хочет на ней жениться. Ведь он же предлагал переехать к нему тогда, в ту ночь, когда ворвалась в Наташину размеренную скучную жизнь эта кассета-освободительница, предлагал же, значит, готов был жить с ней вместе, хотел этого. А сейчас что же? Больше не хочет? Или меньше любит?

ГЛАВА 2

Человека, который стоял рядом с начальником отдела Вячеславом Михайловичем Афанасьевым, Настя Каменская узнала сразу. То есть в первый же момент она поняла, что где-то видела его, видела неоднократно, но очень давно, но никак не могла припомнить, где именно и при каких обстоятельствах. Молодой, лет тридцати пяти, не больше, спортивный, высокий, с идеально подстриженными волосами. Красивый. Глаза умные. Да где же, черт возьми, она его встречала? А ведь точно встречала, она не ошибается, потому что и он сам то и дело поглядывает на нее и улыбается краешками губ.

Начальник и спортивный красавец о чем-то негромко разговаривали, ожидая, пока в кабинете соберется весь личный состав отдела. Настя пришла одной из первых, села на свое обычное место – в самом уголке, подальше от руководства, и теперь маялась от дурных предчувствий. Неужели это и есть их новый шеф? Неужели сейчас Афоня представит его и сообщит о своем переходе на другую работу? Конечно, этого события ждали со дня на день, но ведь не этот же... Молодой. И красивый. И глазки умненькие. Наверняка опыта кот наплакал, зато амбиций – выше Эйфелевой башни. И самое плохое, что Настя с ним, по-видимому, знакома, а она никак не может вспомнить, что это было за знакомство. А вдруг они расстались врагами? Вот будет ему теперь на ком отыграться-то!

Народ понемногу подтягивался, и больше всего на свете Насте хотелось, чтобы рядом, как в старые добрые времена, еще при Гордееве, плюхнулся Юрка Коротков, с которым можно было бы поделиться своими опасениями и посплетничать. Но Коротков, увы, рядом не сядет, он – заместитель начальника отдела, и место его – самое первое за длинным приставным столом для совещаний. Вместо Юрки рядом сел молоденький лейтенант, только два месяца как пришел в отдел. С ним не поговоришь и уж тем более ничем не поделишься. Настя горестно вздохнула, подумав, что день не задался с самого утра. Еще только десять часов, а уже с соседом не повезло. Что же дальше-то будет?

Внезапно подскочил Сережа Зарубин и бесцеремонно потянул молоденького лейтенанта за руку.

– Ну-ка встань, пусти старшего товарища на почетное место, – потребовал он, подмигивая хитрым глазом. – Право сидеть рядом с Каменской еще заслужить надо, салага.

Лейтенантик покорно поднялся и пересел вперед. Зарубин немедленно угнездился, занимая позицию на освобожденном плацдарме.

– Здорово, Пална. Чего с утра не в духе?

– Да нет, все нормально, – улыбнулась она в ответ.

– А это что за кекс рядом с Афоней?

– Похоже, тот самый, – неопределенно ответила Настя.

– Да иди ты?! Что, вот этот красавчик? – не поверил Сергей.

– Похоже, да. А чему ты удивляешься? Нам же говорили, что назначают кого-то из молодых, да ранних. Вот тебе, пожалуйста, молодой, как обещали.

– Лучше б они нам зарплату повысить пообещали, – проворчал он. – Как погуляли в субботу?

– Отлично. Жалко только, что без тебя.

– Мне тоже жалко, но куда ж с дежурства денешься. Скажи спасибо, что я вам ничего серьезного не надежурил, всего два трупа, оба – бытовуха, ребята из округов сами раскрыли по горячим следам.

Настя хотела попросить Зарубина присмотреться к незнакомцу повнимательней, ведь может оказаться, что он вспомнит его, но не успела: совещание началось.

– Довожу до вашего сведения, что с сегодняшнего дня начальником отдела назначен Большаков Константин Георгиевич, подполковник милиции, кандидат юридических наук...

Ну точно. Большаков. Конечно, Большаков. Красивый мальчик с умненькими глазками, Костя Большаков. Но вот где, где она с ним познакомилась? Откуда его знает? Нет, в этом пункте память упорно бастовала. Значит, он теперь будет ее начальником. Лихо.

– А вы куда, Вячеслав Михайлович? – спросил кто-то с места.

– Меня переводят в Министерство, в Департамент уголовного розыска, на должность начальника отдела в Управление организации розыска.

Ишь ты, переводят его. Нет бы сказать: «Я ухожу», это было бы честнее, ведь ему понятно, что такой человек, как Афоня, упорно присматривается и принимаются, куда бы уйти с повышением, независимо от профиля работы. Присмотрел себе освобождающееся местечко да и нажал на все доступные кнопки, чтобы его занять. Так нет же, переводят его! В Министерство! То есть понимать надо так, что его, полковника Афанасьева, заметили «сверху», оценили его недюжинные организаторские способности и перевели туда, где его таланты нужнее.

Еще минут двадцать Афоня изображал из себя строгого, но справедливого руководителя, требовал отчета по текущим делам, хмурил бровки, ставил их домиком, демонстрируя начальственное недоумение, в отдельных местах покровительственно советовал своему преемнику «особо проследить» и «постоянно держать на контроле», потом деловито глянул на часы и с плохо скрываемым облегчением произнес:

– Ну что ж, Константин Георгиевич, оставляю вас, так сказать, на хозяйстве, берите бразды правления в свои руки. А я, с вашего позволения, поеду в Министерство.

И вышел из кабинета.

– Слыхала? – шепнул Насте Зарубин. – В Министерство он поехал. На часы поглядел и заторопился, Смоктуновский недоделанный. Там без него никак не обойдутся. Прямо извелись все, ожидая, когда же, наконец, Афоня наш к ним припожалует завалы разгрести и работу организовывать. Помрешь со смеху.

Новый начальник почему-то продолжал стоять, в Афонино кресло садиться не собирався. Он ничего не говорил, просто молча обводил глазами всех присутствующих, будто пытался рассмотреть и запомнить каждого.

В кабинете висела недоуменная тишина, в первые секунды слегка разбавленная шепотом, который постепенно становился все слабее, пока наконец не прекратился вовсе, и тишина стала плотной и неприятной.

– Не буду сейчас отнимать у вас время, все свободны. Руководителей подразделений прошу собраться в этом кабинете в пятнадцать часов.

Сотрудники отдела ошарашенно закрутили головами и стали подниматься с мест. Так как Настя и Сережа Зарубин сидели в самом дальнем углу, к двери они подошли последними.

– Анастасия Павловна, – внезапно окликнул ее новый начальник.

Настя вздрогнула и обернулась. Он знает, как ее зовут. Значит, помнит, что они знакомы. Ах, как неловко может выйти! Да что ж она никак не вспомнит-то?! Вот напасть, право слово. Она всегда гордилась своей памятью, но память, будто в отместку за безжалостную эксплуатацию, из вредности, иногда подводила ее в самые неподходящие моменты.

– Да?

– Задержитесь, пожалуйста.

Ну вот, знаменитая сцена Мюллера и Штирлица. Как там было? «Штирлиц! А вас я попрошу остаться.» Хитрым таким голосом. А потом последовал крайне странный и тяжелый для Максим-Максимила Исаева разговор. Сейчас, наверное, тоже ничего хорошего для Насти не будет. Наверняка Афоня успел напеть своему сменщику о том, что у подполковника Каменской вышел срок возможного пребывания в рядах МВД, поскольку она достигла сорока-

пятилетнего возраста, что этот самый подполковник наверняка попытается подсунуть новому начальнику рапорт с просьбой о продлении срока службы, так вот он, Вячеслав Михайлович Афанасьев, настоятельно не рекомендует этот рапорт визировать и двигать по инстанциям, потому как от старшего оперуполномоченного Каменской толку никакого, одни проблемы. Ее приглашают на преподавательскую работу – вот пусть туда и идет, если уж так погоны снимать не хочет.

Настя молча развернулась, прикидывая, куда бы сесть. Устроиться на прежнем месте, в уголке? Невжливо, получится слишком далеко от начальника, демонстративно далеко. Придется сесть за стол.

– Анастасия Павловна, я понимаю, что вряд ли вы меня помните. Но мне все-таки показалось, что вы меня узнали. Я ошибся?

Настя удивленно посмотрела на Большакова.

– Нет, вы не ошиблись. Я вас узнала. Но если честно, я не могу вспомнить, откуда знаю вас.

Он весело рассмеялся, сверкая белоснежными ровными зубами.

– Анастасия Павловна, я бы страшно удивился, если бы вы вспомнили. Я учился в начале девяностых в Высшей школе милиции, а вы несколько раз проводили у нас практические занятия по криминалистической тактике. По теме «Методика и тактика расследования убийств». Не можете же вы помнить всех слушателей, у которых вели практикумы, нас же много, а вы одна.

Всё. Теперь она вспомнила окончательно. Костя Большаков, красивый мальчик с умными глазками, приятно удивил ее неординарностью суждений, четкой логикой и широким, каким-то нескованным, незашоренным мышлением. Она тогда рассказала о нем Гордееву, и Колобок пытался добиться, чтобы Костю распределили после окончания Школы на Петровку, к ним в отдел, но ничего не вышло. Костю рекомендовали к поступлению в адъюнктуру, он был круглым отличником, шел на «красный» диплом и собирался заниматься наукой и писать диссертацию. Да вот и Афоня же сказал, что новый шеф – кандидат юридических наук. Интересно, по какой специальности?

Ну вот, дожила. Теперь уже ее ученики будут ею командовать. И будут намекать ей на уход с должности. Как говорится, случилось то, о чем мы так долго мечтали...

– Я вас хорошо помню, Константин Георгиевич, – произнесла Настя ровным голосом. – Теперь вспомнила. Вы очень оригинально и нестандартно решали задачу, которую я вам предложила. Если не ошибаюсь, это было дело о трупе, обнаруженном в салоне самолета.

– Совершенно верно, – с улыбкой кивнул Большаков. – И вы меня похвалили. Мне бы очень хотелось заслужить вашу похвалу еще раз.

Она с удивлением уставилась на него. Что он такое говорит? Где вы видели начальников, которым важна похвала подчиненных? Да в гробу они их видали, и их мнение о себе тоже.

– Анастасия Павловна, у меня к вам серьезный разговор, если не возражаете.

Настя внутренне сжалась. Удивление быстро прошло, уступив место тоскливому ожиданию. Серьезный разговор. О пенсии, конечно. О чем еще может серьезно говорить новый начальник с подчиненным? Не о работе же, не о текущих делах, о которых он сам пока ничего не знает.

– Я слушаю вас.

– Вячеслав Михайлович проинформировал меня о том, что вам исполнилось сорок пять лет...

Так и есть. День определенно не задался. Если что-то может разбиться, оно обязательно разобьется. То, что разбиться не может, разобьется тоже. Закон физики.

– ... и что вы заканчиваете работу над кандидатской диссертацией и уже получили предложение о переходе на преподавательскую работу. Это так?

– Так, – угрюмо кивнула Настя.

Пусть уже все скорее закончится. Она больше не может выносить этот унижительный страх перед потерей работы, которую она так любит.

– Я могу что-нибудь сделать для того, чтобы вы это предложение не приняли?

– Что?!

– Постараюсь выразиться яснее. Анастасия Павловна, что я должен сделать, чтобы вы остались здесь? Завизировать ваш рапорт о продлении срока службы? Назначить вас на более высокую должность, чтобы вы могли получить звание полковника и спокойно служить дальше? Что? Скажите мне, чего вы хотите, и я это сделаю немедленно.

– Я вас не понимаю, – сказала она противно дрожащим голосом.

– Что же здесь непонятного? – Большаков обезоруживающе улыбнулся. – Я не хочу, чтобы вы уходили. Я не хочу терять опытного сотрудника. Я хочу, чтобы вы продолжали работать со мной. Разве это непонятно?

– Понятно.

– Более того, я бы хотел, чтобы в отделе остались те, кто служит давно, имеет большой опыт и может чему-то научить молодых сотрудников. Я смотрел личные дела всех, кто работает в отделе...

О как. Дела смотрел. Готовился. Предварительно изучал техническое состояние орудий, при помощи которых ему придется вспахивать новую ниву.

– ... и с сожалением вынужден констатировать, что после выхода в отставку полковника Гордеева почти весь личный состав разбежался. Остались только вы и Юрий Викторович Коротков.

Смотри-ка, Юркино имя назвал без ошибки, причем даже в бумажку не посмотрел, наизусть выговорил. Видно, и впрямь готовился. Ах ты красивый мальчик Костя с умными глазами!

– Совсем недавно снял погоны Михаил Доценко, – невозмутимо продолжал Большаков, по-прежнему не глядя в записи, – и вряд ли удастся чем-то привлечь его, чтобы убедить вернуться. К сожалению, Вячеслав Михайлович не смог его удержать. Или не захотел?

Он вопросительно посмотрел на Настю и выдержал паузу, но Настя удержалась и промолчала, хотя имела сказать много чего по этому поводу.

– А вот Игорь Валентинович Лесников все еще служит, правда, уже в Департаменте, но я хотел бы приложить максимум усилий, чтобы его вернуть. И я очень рассчитываю на вашу помощь и поддержку. И конечно же, я рассчитываю, что вы не уйдете из отдела.

Это не может быть правдой. Так не бывает. Это все ложь, это какая-то хитрая каверза, немыслимая по степени коварности. Он пытается усыпить Настину бдительность, расслабить ее, чтобы она поверила, распустила сопли и сказала что-то такое, какие-то такие слова, после которых он бы с легким сердцем «отпустил» ее на преподавательскую работу. Или на пенсию. В чем же каверза? Где подвох? Надо быстро собрать мозги в кучку и начать соображать, чтобы не оказаться застигнутой врасплох. Если этот новенький, сверкающий, как только что сошедший с конвейера автомобиль, начальник хочет от нее, Насти Каменской, избавиться, если он не хочет с ней работать, то и не надо, навязываться она не станет, сама уйдет. Но именно сама. Она сама сделает первый шаг, а не пойдет на поводу у хитромудрого интригана.

А что, если попробовать применить старое, хорошо испытанное оружие? Прямота, ее знаменитая убойная прямота. Прием давно известный, но к нему почему-то никто никогда не бывает готов, все настраиваются на намеки, недомолвки и интриги, а прямота срабатывает на эффекте неожиданности.

– Чего вы добиваетесь, Константин Георгиевич? – спросила Настя.

Он вздохнул и посмотрел на нее почему-то печально.

– Я был к этому готов.

– К чему – к этому?

– К тому, что вы мне не поверите. И тот факт, что вы мне не поверили, лишний раз свидетельствует о том, как далеко зашла кадровая разруха. Вы не только уже не ждете нормального начальника, вы даже не верите в то, что такие в принципе существуют на свете. После ухода полковника Гордеева прошло всего четыре года, и этого хватило, чтобы вы утратили веру. Анастасия Павловна, тот факт, что когда-то я сидел на месте ученика, а вы стояли за кафедрой и были моим преподавателем, отнюдь не означает, что я так и остался несмышленым пацаном. С тех пор прошло пятнадцать лет, и я кое-чему научился и кое-что понял.

Да, он хорошо подготовился, этот мальчик с умненькими глазками, его голыми руками не возьмешь. Он даже знает, как хорошо им работалось при Колобке, он даже поинтересовался тем, как они жили при Афоне. И что теперь? Поверить ему? Или пытаться разгадать его игру? А, была не была! Все равно Насте с ним, видимо, работать не придется.

– В какую игру вы играете, Константин Георгиевич? Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы остались. Более того, я хочу вернуть отделу его профессионализм, который за четыре года оказался полностью утраченным. Поэтому у меня к вам будет несколько просьб. Первое: скажите мне, на каких условиях вы готовы остаться, и я их выполняю, все до единого. Второе: посоветуйте, что нужно сделать, чтобы не дай бог не ушел Коротков. Он – мой заместитель, повышать его в должности уже некуда, так что здесь мои возможности ограничены. Но вы дружны много лет...

Елки-палки, он и об этом знает. Любопытно, а есть что-нибудь такое, чего он не знает?

– ... и только вы можете подсказать мне, чем я могу его удержать. Третье: я попрошу вас написать мне список тех сотрудников, которых вы считаете наиболее толковыми и перспективными, и я постараюсь предпринять все, что нужно, чтобы они закрепились в отделе. И последнее: я прошу вас представить меня Виктору Алексеевичу.

– Кому-кому? – Настя ошалело помотала головой.

– Виктору Алексеевичу, – спокойно и терпеливо повторил новый начальник. – Гордееву. Я прошу вас познакомить меня с ним. Я знаю, что у вас и Короткова сохранились теплые неформальные отношения с вашим бывшим начальником. Я буду просить его быть моим наставником и советчиком, и очень надеюсь, что он мне не откажет. Если, конечно, вы и Юрий Викторович за меня походатайствуете.

Это был удар ниже пояса. Удар, которого Настя вынести уже не могла. Чудес не бывает, это всем известно. И сбываются только плохие сны, а хорошие так и остаются светлым пятном в грустных воспоминаниях, не более. То, что сейчас происходило, было слишком чудесным, чтобы быть правдой, слишком невозможным, слишком неправдоподобным. Слишком сказочным. Как в плохом кино. Здесь явно что-то не то, где-то зарыта дохлая долго болевшая собака, а она, Настя, уже старая, она утратила чутье, она упустила стремительное развитие новых вариантов служебно-аппаратных игр, и теперь не может справиться с ситуацией, просчитать ее и найти то место, где покоится с миром несчастная закопанная псина. Ей действительно пора уходить с практической работы, не место ей здесь, старой и отсталой, утратившей нюх и оперативную хватку.

Она молчала, уставившись в стол, и тупо считала царапины на деревянной поверхности. Большаков тоже взял паузу и молча выжидал. Но не тут-то было! Поняв, что убойная прямота не сработала, Настя решила взять его измором. Она будет молчать и смотреть в стол, а он пусть как хочет. Если он ждет от нее каких-то слов, которые сможет обернуть против нее же, то не дождется. Она не выйдет из этого кабинета обманутой и побежденной. Ни за что.

Пауза затягивалась и становилась неприличной. Большаков смотрел на подполковника Каменскую, подполковник Каменская смотрела на царапины, и ничего не происходило. Наконец в кабинете прозвучало:

– Анастасия Павловна, вы нужны мне. Вы нужны отделу. Пожалуйста, я прошу вас, останьтесь и помогите мне. Без вас и Короткова я просто не справлюсь.

И она сдалась.

– Мне нужно звание полковника и возможность защитить диссертацию, – холодно произнесла Настя.

– Я сегодня же напишу представление о назначении вас старшим оперуполномоченным по особо важным делам. На этой должности потолок – подполковник, но можно ходатайствовать о присвоении звания полковника за особые заслуги. И у вас будет столько свободных дней, сколько вам нужно, вплоть до самой защиты. Я эту процедуру проходил, так что знаю, сколько беготни и хлопот она требует.

– Короткову нужна квартира, хотя бы самая маленькая. Он уже двадцать лет стоит в очереди на жилье. У него сын вырос, жениться собрался.

– Я понял. Что насчет Лесникова?

– Если только вашим замом... У вас же два заместителя, но на одной должности Коротков, вторая тоже занята.

– Она будет свободна, если Игорь Валентинович будет готов вернуться.

Вот это размах! Просто-таки раздача слонов. Откуда у него такая уверенность, что он выбьет квартиру для Юрки и освободит должность для Игоря? На ней, между прочим, живой человек сидит, правда, поганенький, бестолковенький, Афонин протеже, но куда ж его девать? Впрочем, это не ее дело, Большаков задал вопрос и получил ответ, а уж что ему с этим ответом делать – пусть у него голова болит.

– А как со списком? Вы готовы его составить?

Она кивнула, и Константин Георгиевич протянул ей листок бумаги и ручку. Много времени Насте не потребовалось, по-настоящему толковых, преданных делу и готовых учиться ребят в отделе было меньше, чем пальцев на одной руке, и первым среди них шел, конечно же, Сережка Зарубин.

Большаков внимательно прочел составленный список и усмехнулся.

– Не густо.

– За этих я могу ручаться, остальных знаю хуже. Наверняка Коротков даст вам более полную информацию.

– Да, конечно, – Большаков рассеянно кивнул. – Я могу рассчитывать, что вы позвоните Лесникову?

– Позвоню.

– А Гордееву?

– Тоже позвоню.

– Тогда все, – он широко улыбнулся. – Спасибо, Анастасия Павловна.

Настя вышла из кабинета начальника и, не заходя к себе, кинулась к Короткову. Юра с озабоченным видом разговаривал по телефону, одной рукой держа трубку, другой роясь в сейфе. Увидев Настю, он кивнул и указал глазами на стул, мол, садись и жди. Но ждать не было мочи, и она принялась бессмысленно суетиться, наливать воду в чайник, доставать чашки и банку с кофе, чтобы хоть чем-то себя занять. Наконец, Коротков закончил разговор и швырнул трубку на стол.

– Придурки, – зло проворчал он. – Покоя от них нет. А ты что такая взъерошенная?

– Со мной новый шеф беседу проводил.

– Да ну? И что? Как он?

– Юр, я ничего не поняла, – честно призналась она. – Или он очень хитрый, или нам фантастически повезло. Юра, я ему сказала, что тебе нужна квартира, и он обещал сделать все, что можно. Ты представляешь?

– Чего-о-о?! – взревел Коротков. – Чего он тебе пообещал?!

– Что слышал, то и пообещал. Он спросил, что нужно сделать, чтобы ты не ушел из отдела, и я сказала, что ты двадцать лет стоял в очереди на квартиру и так и не дождался, а теперь у тебя сын вырос, и если он хочет, чтобы ты почувствовал, что все было не зря и тебя здесь ценят и тобой дорожат, то тебе нужно эту квартиру дать. Что тут непонятного?

– Та-ак, – протянул он. – А тебе он что пообещал, этот добрый волшебник? Какую золотую горку?

– Должность важняка, звание на одно выше «потолка» и свободные дни для беготни с диссертацией.

– А зачем?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Якобы он хочет сохранить и приумножить наш упавший потенциал и вернуть нам былую славу, как было при Колобке. Ты в это веришь?

– Я? Нет.

– И я не верю. Но я не могу придумать, зачем ему все это нужно. Ты, Юра, еще не все знаешь.

– Господи! – он в ужасе схватился за голову. – Что еще?

– Он спрашивал, что нужно сделать, чтобы Игоря Лесникова вернуть.

– Ни фига себе...

– Вот именно.

– И что ты ответила?

– Что нужно освободить должность второго зама. На меньшее Игорек не согласится, у него и в Министерстве должность хорошая. Но и это еще не все.

– Ладно, добивай, чего уж там.

– Он просил познакомить его с Колобком, якобы он хочет, чтобы Колобок стал его наставником и советчиком в нелегком деле руководства нами. Ну, каково?

– Врешь? – недоверчиво переспросил Юра.

– Да как бог свят! Просил, чтобы мы с тобой за него перед Колобком походатайствовали. Юра, он ведет какую-то мощную игру, в которой я не могу разобраться. Тут в чем-то большая подстава, но я никак не пойму, в чем именно.

Коротков задумчиво посозерцал потолок и глубокомысленно произнес:

– Да, мать, кажется, мы с тобой попали. Причем по-крупному. Может, нам пора валить отсюда, пока нам головы не снесли, а?

– Решай сам. Как ты скажешь, так и сделаем.

– Или побарахтаемся еще чуток? – задумчиво продолжал Юра. – Поиграем с ним в его игру.

– Так мы же правил не знаем, – возразила Настя. – Как играть, когда правила неизвестны?

– Ну уж как-нибудь. Мы с тобой старые сыскные собаки или кто? Мы и без правил сыграем с этим щенком. Зелен он еще на нас с тобой пасть разевать.

– Он очень умный, Юрка. Он еще пятнадцать лет назад был умнее всех своих сокурсников вместе взятых. Я его вспомнила, я в его группе занятия вела.

– Умный, говоришь? – хмыкнул Коротков. – Ну и ладно. Умному и проиграть не стыдно. Ты чего сидишь-то без дела? Ты давай кофе наливай, чайник уж вскипел давно.

Настя едва успела разлить кипяток по чашкам, как тренькнул внутренний телефон.

– Иду, Константин Георгиевич, – коротко ответил Юра в трубку.

Попили кофейку, называется...

* * *

Евгений Леонардович Ионов всегда боялся старости. Вот сколько себя помнил, столько и боялся. В его роду было много долгожителей, одна из прабабушек умерла, когда ему было пятнадцать, вторую он хоронил в двадцать два года. Прадедушки жили чуть поменьше, но все равно он застал в живых обоих и хорошо их помнил. Помнил их старческую беспомощность, слабость, зависимость от детей и внуков, которые должны были ухаживать за ними, терпеть их забывчивость, неопрятность и сенильное слабоумие, в простонародье именуемое старческим маразмом. Помнил, как шушукались взрослые, обреченно вздыхали и ссорились между собой, выясняя, кому ехать в отпуск, а кому оставаться ухаживать за стариками. Он много всякого помнил, и из этих воспоминаний выросло твердое убеждение, что он ни за что на свете не хотел был оказаться в таком положении, когда уход за ним, даже просто присутствие рядом с ним станет его родным в тягость и они, пусть и не признаваясь в этом, станут с нетерпением ждать, когда же он их, наконец, освободит от всех этих мучительных и обременительных забот.

Он понял, что помочь могут только деньги. Он не будет заставлять детей и внуков ухаживать за собой, он будет жить один, обязательно один, наймет сиделку, домработницу, кого там еще надо, и в его доме всегда будет чисто, будет пахнуть хорошим свежесваренным кофе и пышными сладкими булочками, и сам он, чисто выбритый, с вымытыми волосами, в брюках, наглаженной сорочке и домашней шелковой куртке, интеллектуально сохранный, мудрый и понимающий, осведомленный обо всех новинках кино и литературы, хорошо разбирающийся в текущей политике, станет тем «папой-дедушкой-прадедушкой», в гости к которому приходят не по принуждению, а с радостью, с удовольствием и, что немаловажно, даже чуть чаще, чем ему хотелось бы.

Вот такой наметал себе Евгений Леонардович собственную старость, и загодя начал закладывать материальный фундамент для осуществления своей мечты. Это не означает, что он превратился в скопидома, засовывающего в чулок каждую копейку, оставшуюся после приобретения самого минимально необходимого. Отнюдь. Лет с сорока он принялся тщательнейшим образом заботиться о своем здоровье, ежегодно проходил диспансерное обследование, чтобы, не дай бог, не упустить какую ни то зарождающуюся хворобу, постоянно занимался спортом, плавал, ходил на лыжах, играл в теннис, ежедневно пробегал по утрам пять километров, принимал контрастный душ, раз в неделю непременно парился в бане, строго следуя методическим рекомендациям, чтобы пошло исключительно на пользу здоровью, а никак не во вред. Из спиртного употреблял только красное вино, причем, очень хорошее, дорогое, и не более одного стакана в день. Соблюдал режим питания – «поменьше жирного и сладкого, побольше овощей и фруктов», рано ложился спать – «самый полезный для здоровья сон – это часы до полуночи» – и рано вставал, а уж если чем-то заболел, то лечиться предпочитал народными средствами, «чтобы не засорять организм лишней химией». Понятно, что на такую жизнь тоже требовались деньги, да хоть питание взять: чтобы при советской торговле обеспечить на своем столе разнообразие овощей и фруктов, не гнилых и не мороженных, нужно было постоянно покупать продукты на рынке, а это выходило раз в пять, а то и в десять дороже, чем в магазине. А горнолыжное оборудование? А фирменные теннисные ракетки? А бесконечные взятки медицинским работникам, от которых зависела возможность пройти обследование не в районной поликлинике, а там, где есть новейшая диагностическая аппаратура? Короче, все стоило денег, а уж когда советская власть скончалась и началась власть непонятно какая, но новая, денег на поддержание здоровья стало требоваться еще больше, только теперь на смену слову «взятка» пришли «коммерческие цены». Можно лечиться в самых лучших клиниках, можно проходить обследование на компьютерном томографе, можно покупать лекарства за

рубежом, чтобы не нарваться на подделку, можно ежедневно потреблять такие продукты, о которых в прежние времена и не слыхивали. Все можно, только плати.

И Евгений Леонардович платил, не скупясь. Нет ничего дороже здоровья, и никаких денег на это не жалко.

Однако же, чтобы не жалеть денег, надо по крайней мере их иметь, это уж как минимум. И начиная с тридцати лет, с того самого дня, когда он принял судьбоносное решение касательно собственной старости, Ионов зарабатывал деньги, зарабатывал исступленно, самозабвенно, не гнушаясь никакими приработками, в рамках дозволенного, разумеется. Он подчинил этому свою карьеру.

И вот сегодня, в день своего восьмидесятилетия, он впервые понял, что попал в капкан. Все получилось так, как он и задумывал: у него прекрасная квартира, в которой Евгений Леонардович живет один (жена умерла почти десять лет назад), у него машина и нанятый водитель, в любой момент готовый отвезти-привезти, к нему ежедневно приходит домработница, убирает, покупает продукты, готовит, стирает и гладит. Он прекрасно выглядит для своего возраста, одет с иголочки, благоухает дорогой туалетной водой. У него есть личный врач, каждую неделю осматривающий Ионов, снимающий кардиограмму и присылающий к нему на дом разных специалистов (по мере надобности, УЗИ, к примеру, сделать, рентген или взять анализ крови). Есть и массажист, который приходит каждый день, кроме воскресенья. Чувствует себя Евгений Леонардович превосходно, и хотя пять километров уже по утрам не пробегает, но проходит их быстрым энергичным шагом. Дважды в неделю плавает в хорошем бассейне в дорогом спортивном клубе. Дети и внуки не знают с ним никаких забот, он даже не просит их помочь, когда с компьютером что-то не ладится, вызывает спецов из фирмы.

Все получилось так, как задумывалось. И все-таки не получилось. Это Ионов сегодня отчетливо почувствовал.

Встал, как обычно, в пять утра, съел сваренную на воде овсянку, выпил кофе и отправился на прогулку по пустым темным улицам, с удовольствием вдыхая пока еще не переполненный выхлопными газами воздух. Вернувшись, принял контрастный душ, вымыл голову, съел яйцо всмятку с ломтиком сыра, выпил еще одну чашку кофе, посмотрел новости по телевизору, и ровно в половине девятого вышел из дома. Машина уже ждала его возле подъезда.

– С днем рождения, Евгений Леонардович, – весело поприветствовал его водитель, жизнерадостный и неунывающий мужчина средних лет по имени Валера, к которому Ионов обращался не иначе как по имени-отчеству.

– Спасибо, Валерий Иванович.

– Куда едем с утра пораньше?

– В Фонд.

Фонд, куда направился Евгений Леонардович, имел длинное и труднозапоминающееся название, в котором помимо собственно слова «фонд» имелись еще слова «социальные», «прогнозирование», «исследования» и «последствия», но все сотрудники, в том числе и Ионов, давно уже называли его просто Фондом и никак иначе. Тем более что название примерно раз в два года менялось, становясь все более длинным, сложным и расплывчатым, хотя суть оставалась прежней. Располагался Фонд на двенадцатом этаже многоэтажного недавно построенного офисного центра. Миновав просторный холл на первом этаже, Ионов вставил электронную карту-ключ, прошел через турникет к лифтам и через несколько минут шагал по длинному коридору, привычно читая надписи на табличках. Вот здесь сидят социологи, здесь – математики, здесь – политологи, за этой дверью – отдел, где работают аналитики. А вот и его последнее детище, «Отдел комплексных монографических исследований». Ионову стоило немалого труда убедить руководство Фонда в необходимости таких исследований, и теперь он с особым трепетом следил за работой отдела. Следил... Вот в этот момент впервые и кольнуло. Он только следил за работой, а не руководил ею. Стар? Возраст не тот для руководства? Да бросьте, вон

сколько восьмидесятилетних профессоров руководят кафедрами и отделами в академиях и институтах. Впал в немилость? Тоже нет. Его уважают, с ним советуются, его постоянно приглашают консультировать, ни один итоговый документ не выходит из стен Фонда без правок и окончательного одобрения Евгения Леонардовича. Специально для него в свое время, лет эдак пятнадцать назад, в штатное расписание Фонда была введена должность «главного специалиста», это уже потом таких «главных» стало несколько, а в то время он был единственным. Так в чем же дело?

Он сам виноват. Он слишком усердствовал в погоне за деньгами, и когда вставал вопрос, взять ли на себя научное руководство новой темой или выполнить работу по гранту или коммерческий заказ, предпочитал второе. Работа по гранту или коммерческому заказу предполагала либо индивидуальную работу, либо создание временного научного коллектива, который распадался, как только законченное исследование сдавалось заказчику. Если бы он наплевал на деньги, если бы руководил темами, разрабатываемыми постоянными штатными сотрудниками Фонда, его связь с этими сотрудниками оставалась бы крепкой и непрерывной. Евгений Леонардович помнил, как когда-то, много лет назад, они горели новыми идеями, обсуждали их до голодного обморока, забывая про еду и отдых, сидели на работе, не глядя на часы, а порой и оставаясь ночевать в кабинетах, потому что машин еще ни у кого не было, метро уже закрылось, а поймать такси ночью в Москве в конце семидесятых было весьма проблематичным, да и дорого по их-то тогдашней зарплате. Они собирались по выходным у кого-нибудь дома или приезжали на работу, в Академию МВД, чтобы продолжить обсуждения, расчеты, одним словом, мозговой штурм. Каждая новая мысль казалась гениальной, каждая новая формула грозила перерасти в научное супероткрытие... И конечно же, они все дружили, несмотря на разницу в возрасте. Евгению Леонардовичу, самому старшему, к тому времени доктору наук и профессору, было за пятьдесят, самому молодому, Диме Шепелю, – двадцать семь, он только-только закончил аспирантуру и защитил диссертацию в инженерно-физическом институте. Боже мой, какое было время! И Ионову казалось, что так будет всегда. Он состарится, но не уйдет на покой, будет заниматься наукой, и вокруг него всегда будут ученики, сотрудники, коллеги, и его квартира будет постоянно открыта для них, и они будут приезжать, советоваться, консультироваться, обсуждать результаты исследований, как и прежде, а он, Евгений Леонардович, будет, как и прежде, окружен талантливыми молодыми учеными, учениками и последователями, он останется в самой гуще событий.

А вот не получилось. Что-то пошло не так. И с каждым днем Ионов все отчетливее ощущал пропасть, лежащую между ним и остальными сотрудниками Фонда. Может быть, действительно, дело в старости? Мозг уже не так гибок, не так быстро обрабатывает информацию, не поспевает за новыми разработками и открытиями, и он постепенно становится пусть уважаемой (по привычке), главной (по статусу), но все-таки номинальной фигурой. Ах, как хотел бы он вернуть тот день два года назад, когда руководством Фонда был подписан приказ о создании отдела комплексных монографических исследований, и замначальника Фонда по научной работе спросил, не хочет ли профессор Ионов возглавить отдел. Сегодня Евгений Леонардович без промедления ответил бы согласием, а тогда он, дурак старый, отказался, потому что буквально за неделю до этого ему предложили руководство проектом по созданию программы борьбы с преступностью для одного из Федеральных округов России. За очень хорошие деньги. Проект был рассчитан на полтора года: полгода на разработку самой программы и еще год – авторское сопровождение. Ионов предпочел программу, и руководителем отдела был назначен другой человек. Кстати, бывший ученик самого Иопова.

Евгений Леонардович замедлил шаг перед дверью, за которой находились помещения отдела, посмотрел на часы. Две минуты десятого. В коридорах еще пусто, ни один человек не попался ему навстречу, рабочий день в Фонде официально начинался в десять. Ионов любил приезжать рано, потому что точно знал: в двух-трех отделах наверняка уже сидят научные тру-

доголики, которым не терпится возобновить прерванную накануне работу. Эти искрящиеся идеями ребята напоминали ему о прошлом, и он с удовольствием включался в обсуждение очередной суперидеи. Но в последние полгода, после окончания заказной работы над программой, он по утрам заходил только в «свой» отдел. «Свой» – потому что он придумал его, разработал концепцию, отстоял перед руководством, и считал для себя обязательным постоянно подтверждать нужность и полезность этого подразделения.

Дверь оказалась незапертой, значит, кто-то уже работает. Ионов остановился в квадратном холле с большим, стоящим у окна столом секретаря, и обвел глазами четыре двери, прислушиваясь. Уловив, откуда доносятся приглушенные голоса, он мысленно порадовался своему не утратившему остроты слуху и решительно вошел в кабинет. Он не ошибся, именно здесь уже шло бурное обсуждение. Увидев профессора, все замолчали, причем Евгению Леонардовичу показалось, что все трое сотрудников как-то растерялись, словно говорили о чем-то таком, что не предназначалось для его ушей.

– Ой, здравствуйте, – сдавленно пискнула Верочка, специалист по психологическим аспектам подбора и расстановки кадров, и бросила вороватый взгляд на стоящий в углу кабинета сейф.

Что у них там? Какие-то материалы, которые не хотят показывать Ионову? Почему? Что за секреты?

И тут Ионов ощутил еще один болезненный укол. Они отрываются от него, отрываются его ученики и последователи, им больше не нужно его заскорузлое мышление, его заплесневелые взгляды и устаревшие методы. Вот если бы он руководил сейчас отделом, разве такое произошло бы?

Сергей Александрович, немолодой подтянутый бородач с типичной внешностью любителя самодетальной песни, пришел в себя быстрее.

– С днем рождения, Евгений Леонардович!

Не забыли. Что ж, приятно. А Сережа молодец, опытный оперативник, никогда не теряется и моментально находит способ выкрутиться из любой ситуации.

– Спасибо, Сережа, – сдержанно поблагодарил Ионов.

– С днем рождения! – хором повторили следом за Сергеем Верочка и опомнившийся наконец третий участник дискуссии, Геннадий, бывший следователь.

– И что у вас там в сейфе? – скептически осведомился Ионов.

Верочка залилась румянцем, остальные расхохотались.

– Ничего-то от вас не спрячешь, профессор, – ответил Сергей Александрович. – Там подарок для вас. Но мы думали, вы придете попозже, и мы всем отделом во главе с начальником явимся вас поздравлять.

– Ну так поздравьте сейчас, – предложил Ионов. – Как говорится, с утра выпил – весь день свободен. В чем проблема?

Он все еще не верил, что в сейфе именно подарок, убежден был, что от него пытаются что-то скрыть, а подарок – просто отговорка. В нем внезапно проснулось нехорошее, злое стремление уличить ребят во лжи, чтобы не думали, что он уж совсем старый, глупый и никчемный и его ничего не стоит обвести вокруг пальца.

– Ну как же, Евгений Леонардович, а цветы? – возмутилась Вера. – Толик должен цветы принести, мы же рассчитывали попозже... А Толика еще нет.

– А ничего, вы пока без цветов, – великодушно разрешил Ионов. – Дарите подарок, а потом всем коллективом придете с цветами. Давайте-давайте, не томите.

Он злорадно следил за вконец растерявшейся Верочкой, медленно двигавшейся к сейфу. Интересно, что будет дальше? Нет там никакого подарка. И что они станут делать теперь?

Но Ионов ошибся. В сейфе оказался именно подарок. Настроение заметно улучшилось, Евгений Леонардович тепло поблагодарил сотрудников и пошел в свой кабинет, самый просторный из пяти кабинетов, скрывающихся за дверью с табличкой «Главные специалисты».

Для научной работы день был полностью потерян, с половины одиннадцатого потянулись поздравляющие, кто в одиночку, кто группами и целыми отделами, а в три часа устроили официальное чествование в конференц-зале с речами и фуршетом. Ионов сиял: помнят, ценят, уважают.

– Евгений Леонардович, есть пара вопросов, – раздался рядом голос Дмитрия Шепеля. – Или вас сегодня не трогать?

Шепель давно уже не тот худенький чернявый мальчик, физик-математик, почти тридцать лет прошло, поседел, растолстел. Когда создавался Фонд, Ионову предложили взять с собой из Академии всех, кого он сочтет нужным, и имя Димы Шепеля было первым, которое назвал Евгений Леонардович. Именно Дима со своими динамическими моделями дал тогда, в семьдесят шестом году, новый толчок научному направлению, начало которому положил за десять лет до этого сам Ионов, написав монографию «Использование математических методов в изучении преступности». До Шепеля математика, который пользовались криминологи, была статичной, она описывала то, что было и есть и позволяла строить прогнозы развития преступности исходя только из динамики самой преступности, Димины же модели давали возможность рассчитывать то, что будет с преступностью, в зависимости от того, как будут вести себя различные факторы, оказывающие на нее влияние. Сегодня Шепель руководит отделом математического моделирования и является правой рукой начальства. И снова Ионов почувствовал укол. Димка, его ученик, – правая рука, он сам – всего лишь главный специалист.

– А в чем дело? Какие-то проблемы?

– Нет, никаких проблем, текущие вопросы. Мы получили очередной обзор по диссертациям, и есть предложение по кадрам. Хотелось бы обсудить.

– Хорошо, – кивнул Ионов, отставляя бокал с шампанским. – Прямо сейчас?

– Через полчаса, ладно?

– Приду.

– Да ну что вы, Евгений Леонардович, мы сами к вам зайдем.

Уважают.

Ровно через полчаса в кабинете Ионова собрались Дмитрий Шепель и еще двое: начальник отдела научной информации и Кувалдин, начальник отдела комплексных монографических исследований.

– У нас на ноябрь назначена организация полевых экспериментов в десяти точках, – начал Шепель.

Ионов недовольно поморщился. Он прекрасно это знает, зачем напоминать? Полевые эксперименты – тоже его идея, его собственная, и за их ходом он намерен следить тщательнейшим образом.

– Я помню, – сухо произнес он.

– Я только хотел сказать, что во всех точках работа начата, – уточнил Шепель. – Мы идем строго по графику.

– Замечательно, – отозвался Ионов. – И в чем состоит вопрос, который нужно решать?

Начальник отдела научной информации откашлялся, достал из папки несколько скрепленных между собой листков и протянул профессору.

– Это обзор диссертационных исследований по проблемам борьбы с преступностью, выполненных в текущем году. Посмотрите, пожалуйста.

Ионов быстро пробежал глазами названия диссертаций. Да, мельчает наука, мельчает. Серость, скука, нигде ни проблеска оригинальной мысли, новаторского подхода. А вот это что? Очень интересно, очень... Кто автор? Он вернулся глазами к началу абзаца. Каменская А.П.

– Вот, Евгений Леонардович, – радостно заговорил Шепель, – вижу, вы тоже на этом месте зацепились. Каменская, да?

Ионов кивнул, еще раз вчитываясь в краткое изложение диссертации.

– Мы все обратили внимание. Все, кто читал обзор, выделили только Каменскую. Она мне кажется очень перспективной. Я хочу поставить вопрос перед руководством о приглашении ее на работу в Фонд.

– Разве у нас есть вакансии? Мне казалось, мы полностью укомплектованы.

– С Нового года нам увеличивают финансирование, и уже принято решение о введении одной дополнительной должности у математиков и еще одной – в отделе у Кувалдина, в комплексных исследованиях.

– Так в чем проблема? – поднял голову Ионов. – Приглашайте.

– Проблема в том, Евгений Леонардович, – медленно произнес Кувалдин, – что подполковник Каменская в настоящее время работает в зоне эксперимента. И ее никак нельзя оттуда изымать. Чистота эксперимента будет нарушена.

– Досадно, – вздохнул Ионов. – А ничего придумать нельзя? Может, как-то совместить одно с другим?

– Да как же совмещать? – возразил Кувалдин. – Никак не получится. И потом, мы ее не изучали совсем. Может, она нам не подходит.

Это и был тот самый спорный вопрос, с которым пришли к Евгению Леонардовичу. Высказывали аргументы «за» и «против», спорили о том, какие моменты являются принципиальными, а какими можно пренебречь, и в результате почти ни до чего не договорились. Ясно было одно: подполковник Каменская со своими взглядами и подходами оказалась бы в научных подразделениях Фонда очень даже на месте, но совершенно непонятно, насколько она надежна, это во-первых, и можно ли ее забирать из зоны, в которой проводится плановый эксперимент, во-вторых.

– Пусть пока начнут собирать материалы о Каменской, – решительно заявил Шепель, – а там видно будет, когда эксперимент закончится.

– В зонах эксперимента комплексные исследования уже начались? – спросил Ионов.

– Да, во всех, кроме Москвы.

– Вы что, какого-то особого случая ждете? – Ионов вперил недовольный взгляд в Кувалдина, начальника «его» отдела.

– Нет, но эксперимент только-только начался. Вы же понимаете, Петровка – это не земля, к ним не все подряд преступления попадают. Сегодня они в работу не взяли ничего нового. Как только у них появится новое дело, так сразу и приступим.

– Только первое же дело, – строго напомнил Ионов. – Первое же, какое будет. Не вздумайте выжидать и выискивать, что поинтересней.

Оставшись один, Евгений Леонардович прочел несколько документов, внес правки, отдал секретарю и отправился домой. Сегодня ему восемьдесят. Никаких банкетов и пышных празднований, скромное семейное торжество, все-таки будний день, всем завтра на работу.

И только поздно вечером, проводив гостей, Ионов стал разбирать подарки, наткнулся на тот, что подарили сотрудники «его» отдела, и вспомнил, что они ведь так и не сказали ему тогда, утром, о чем так горячо спорили, собравшись на работе так рано. Не сказали. И нет там никаких тайн, какие тайны могут быть в научной работе, пусть и столь специфической и не известной широкому кругу. Просто легла пропасть, огромная, глубокая и непреодолимая пропасть между ним, профессором Ионовым, и молодым поколением. Он не сумел удержать их возле себя, вернее, не сообразил вовремя, увлекшись зарабатыванием денег, что нужно сделать, чтобы не остаться в одиночестве. Нельзя всю жизнь зарабатывать деньги и в старости оказаться окруженным молодежью, не бывает так. Не получается. Деньги имеют много разных свойств, как явных, так и скрытых, коварных, проявляющихся далеко не сразу. Деньги могут наносить удар в спину как раз тогда, когда ждешь этого меньше всего. Они разрушают отношения между близкими людьми, они разрывают дружбу и в конечном итоге приводят к одиноче-

ству. И чем больше денег, тем пронзительнее оказывается одиночество в старости. Станный закон...

* * *

Понедельники Милена не любила больше всего. Ну надо же так составить расписание, чтобы в один день были подряд три лекции – одна другой скучней! Она была добросовестной девушкой и прогуливать не хотела, но слушать бесконечную нудятину о доисторических временах никаких сил не было. Иногда она брала себя в руки и писала конспекты, но чаще прятала на коленях книгу и читала или, как и большинство ее сокурсников, писала SMS-сообщения, получала ответы и составляла новые. Или играла в какую-нибудь встроенную в мобильник игру.

Слава богу, уже третья пара, еще полчаса мучений – и все. Милена перевернула страницу книги, которую читала, и почувствовала, как беззвучно дрогнул лежащий в кармане пиджака телефон. Кто-то прислал сообщение. Она вытащила телефон и посмотрела на дисплей: «Мила, срочно позвони, очень срочно!!! О.» О. – значит Олег. Что там у него стряслось? Полчаса осталось, но ведь он пишет «очень срочно», да еще с тремя восклицательными знаками.

Она принялась быстро нажимать кнопки: «Я на лекции. Полчаса терпишь?» Через две минуты пришел ответ: «Нет! Это очень срочно!» Милена быстро сунула книгу в сумку и выскользнула из аудитории, провожаемая неодобрительным взглядом лектора. Ну и что такого? Может, у нее живот схватило, мало ли что бывает. Все люди, все человеки.

Оказавшись в коридоре, она набрала номер Олега.

– Мила, у тебя ключи от моей квартиры с собой? – быстро и озабоченно заговорил он.

– Да, конечно, как всегда. А в чем дело-то?

– Ты можешь сейчас поехать ко мне?

– В принципе могу... А ты разве не на работе?

– В том-то и дело, что на работе. То есть... я в бегах, мотаюсь по городу, у меня полный завал, я никак не успеваю. А мне только что позвонил сосед снизу, сказал, что я их заливаю. Я два часа назад заметил, что рядом с унитазом подтекает, но очень торопился, времени не было разбираться. Видно, подводку все-таки сорвало, и вода хлещет на пол.

– Черт! – вырвалось у нее. – Сильно его залило?

– Говорит, потоп, с потолка течет. Милка, поезжай, перекрой стояк, если не разберешься, где он, спустись в квартиру на этаж ниже, пусть этот сосед сам тебе поможет. Если надо, вызови аварийку. Справишься?

– Ну конечно, Олеженька, я все сделаю, не беспокойся. Тебя ждать?

– Я же уезжаю... Ах да, я не успел тебе сказать, я сегодня срочно уезжаю в командировку на три-четыре дня, не больше, у меня поезд через два часа, а мне еще все документы надо оформлять, мне домой никак не вырваться. Мила, выручай, а?

– Да не беспокойся ты, – она улыбнулась, – я все сделаю. Прямо сейчас поеду. Поезжай спокойно в командировку, все будет в порядке, с соседом твоим я разберусь.

Она ни капли не беспокоилась. Ну и что, что она в глаза этого соседа с нижнего этажа не видела? Милена ни секунды не сомневалась, что он не станет на нее орать, более того, не станет даже настаивать на том, чтобы Олег немедленно оплатил ремонт залитой квартиры. На свете есть только один мужчина, способный на нее орать, это ее бывший муж, но именно поэтому он и стал бывшим. Больше такие фокусы как-то ни у кого не получались, и не потому, что Милена умеет что-то особенное, нет, просто такая у нее внешность, такие глаза, такая улыбка, что невозможно ни отказать ей в чем-то, ни сердиться на нее. Сейчас она сядет в свою машину, новенький «ситроен», поедет к Олегу и все устроит наилучшим образом. Может быть, ей даже удастся быстро найти рабочих, устранить неисправность в квартире Олега и организовать и

оплатить ремонт у соседа, так что к возвращению Олежки из командировки все будет в полном порядке.

* * *

Чигрик ничего не понимал. Он понимал только, что ничего не понимает. Как-то все идет наперекосяк...

Он успел с утра раскумариться и теперь пребывал в состоянии одновременно эйфории и легкого раздражения. Эйфория заставляла его быть уверенным в собственных способностях, в том, что весь мир принадлежит ему и будет вертеться вокруг него так, как Чигрику хочется, раздражение же возникло оттого, что он никак не мог сосредоточиться и начать четко сообщать.

Сегодня он был во всеоружии, при фотоаппарате, видеокамере, нескольких бутылках пива и даже с бутербродами, предусмотрительно захваченными из дому. В субботу от пива с чипсами у него разболелся желудок, и он хвалил себя за то, что позаботился о еде в преддверии длинного «рабочего» дня. Он вовсе не был уверен, что именно сегодня ему будет, что снимать, но предварительные наблюдения говорили о том, что если не сегодня – так завтра, в крайнем случае – послезавтра, потому что «всякое такое интересное» происходило в квартире на девятом этаже панельного дома не реже одного раза в три дня. А бывало и чаще.

Чигрик занял свой пост в десять утра, угнездился удобно, даже несколько раз впадал в дрему, но при звуке движущегося лифта моментально просыпался и напружинивал ноги, готовый в любую секунду соскочить с подоконника и спрятаться за поворотом лестницы, ведущей на чердак.

Около полудня или чуть позже начало происходить непонятное. В интересную для Чигрика квартиру пришли два мужика, минут через двадцать вышли с дорожной сумкой. Потом, где-то через час-полтора, один из них вернулся. Потом пришла баба, та самая, которая, собственно, и нужна была Чигрику. Чигрик все старательно фиксировал при помощи имеющейся техники. После прихода женщины он решил, что можно расслабиться на какое-то время, попить пивка и закусить бутербродами, ведь то, ради чего женщина приходит в эту квартиру, за пять минут не делается. В запасе у него как минимум час, ну, минут сорок – точно. Открыв бутылку, он сделал несколько глотков, предвкушая, как сейчас развернет пакет с бутербродами и вонзит зубы в мягкий белый хлеб с маслом и свежей колбасой, но дверь «интересной» квартиры вдруг начала открываться. Чего это они так быстро? Поссорились, что ли?

Дальше стало происходить совсем уж такое, с чем ослабленные наркотиками мозги Чигрика справиться не смогли. Из квартиры вышел мужик, аккуратно запер за собой дверь, постоял несколько секунд на лестничной площадке, словно прислушиваясь или даже принюхиваясь, внезапно резко поднял голову и направился вверх по ступенькам прямо к Чигрику.

* * *

Павел Седов открыл дверь квартиры и сразу понял, что Милены дома нет. Свет всюду выключен, и ставших уже привычными запахов вкусной еды, всегда встречающих его прямо у порога, не чувствовалось. Наверное, Милка поехала навестить родителей и задержалась у них, небось опять ее брат-алкаш какой-нибудь фортель выкинул. Брат этот придурочный – постоянная головная боль, то у него запой, то он лечится, то унес из дома что-нибудь ценное, продал и пропил. На лечение и на восстановление пропитого все время нужны деньги. Бедная Мила, сколько же сил у нее отнимают семейные дела! А она ничего, терпит, не жалуется, только горестно вздыхает.

Он разделся в прихожей и сразу прошел на кухню. Очень хотелось есть, и Павел был уверен, что перед поездкой к родителям в Подмоскowie Мила что-нибудь приготовила ему на ужин. Однако на плите было пусто, ни сковородки, ни кастрюли с супом. Ничего. Он заглянул в холодильник – там лежали только продукты, купленные в магазине, ничего приготовленного, что можно было бы разогреть.

Павел недовольно поморщился и достал мобильник. Где ее носит?

В трубке раздавались длинные гудки, Милена не отвечала. Тогда он позвонил ее родителям.

– А она сегодня не приезжала, – удивленно ответила мать Милы. – И не собиралась. Она же на прошлой неделе у нас была.

Павел устало опустил на диван и попытался сосредоточиться. Может быть, они с Милой о чем-то договаривались на сегодняшний вечер, а он забыл? Может, она предупреждала его, что у подруги, например, день рождения и она придет поздно? Или еще что? Ничего не вспоминалось. У него не было привычки звонить своей подруге с работы просто так, чтобы узнать, как дела, вот он и не звонил, если не случалось чего-то из ряда вон выходящего. О чем же они говорили утром? Она собиралась в университет к первой паре, к девяти часам, они вместе вышли из дома, Павел сел в свой «джип», Милена – в «ситроен»... Вроде ничего такого, касающегося вечера, сказано не было. В парикмахерской, что ли, сидит? Впрочем, какая парикмахерская, время-то уже к одиннадцати. Он еще раз набрал ее номер, но кроме длинных гудков ничего не услышал. Значит, у подружки сидит, заболталась, телефон, небось, в сумке оставила, а сумку – в прихожей, вот и не слышит звонка. Что ж, бывает. Наверняка ведь предупреждала его, она вообще-то девка обязательная и внимательная к мелочам, а он, как обычно, мимо ушей пропустил. Павел усмехнулся про себя, подумав, что не имеет привычки внимательно прислушиваться к тому, о чем они с Миленой говорят по утрам. По утрам он злой, невыспавшийся и вообще относится к той породе людей, которые в нормальное расположение духа приходят только ближе к вечеру, а в первой половине дня к ним лучше не подходить.

Он снова полез в холодильник, нашел что-то пригодное для еды, положил в тарелку, уселся на диване перед телевизором и включил спортивный канал. На секунду прикрыл глаза и мгновенно провалился в тяжелую мутную дрему.

Когда очнулся и посмотрел на часы, была уже половина первого. Странно, что Мила его не разбудила, когда вернулась. Она терпеть не может, когда Павел спит, не раздевшись, всегда будит его и укладывает в постель. Он потянулся, зевнул, выключил телевизор и, стараясь не шуметь, побрел в спальню. В прихожей бросил взгляд на вешалку и не увидел ничего, кроме своей куртки. Мила, аккуратистка, всегда вешает свои вещи в стенной шкаф-купе, а ему лень. И обувь свою она туда прячет, а ботинки Павла вечно посреди прихожей валяются. Милка ругается...

Он собрался уже пройти в ванную, чтобы принять душ и быстренько юркнуть в постель, постаравшись не разбудить Милену, когда сообразил, что не видит ее сумки. Она же всегда вот здесь стоит, на вот этой низенькой тумбочке с всевозможными принадлежностями для чистки обуви. А ее нет... На Милу не похоже, у нее все вещи по своим местам разложены, она порядок любит.

Павел рванул дверь спальни. Там никого не было. Вот черт! Мила до сих пор не пришла. И даже не позвонила, чтобы предупредить. Совсем не в ее стиле. А если... Да нет, чушь, не может этого быть! Ну какой любовник? Откуда ему взяться? Никогда он за Миленой не замечал ничего такого. Она очень красивая, спору нет, и мужикам нравится, они всегда вокруг нее выются, познакомиться норовят, но это же нормально, она сама-то никаких авансов никому не выдавала, глазки не строила. Или он чего-то не заметил? Нет, не может быть. Это в принципе не в ее характере, уж за столько-то лет он Милу изучил, знает ее как облупленную.

С ней что-то случилось.

Он снова набрал номер ее мобильного, но на этот раз механический голос сообщил, что аппарат абонента выключен или находится все зоны действия сети. Дьявольщина! Как это «вне зоны»? Два часа назад были длинные гудки, значит, Мила была «в зоне», а теперь уже вне зоны? Куда она поехала? За город, что ли? Так теперь ретрансляторы куда хочешь достанут, их по всей стране понатыкано, разве что в тайге приема нет, так за два часа до тайги не доедешь ни на поезде, ни на машине. Ее похитили и увезли, это же ясно!

«Нет, ты определенно сошел с ума», – громко сказал сам себе Павел и вздрогнул: в пустой квартире ночью собственный голос показался ему оглушительным и еще почему-то неприятным. Никто Милку не похищал и не увозил, кому она нужна? Просто у нее сломалась машина, и она стоит где-нибудь, пытается найти того, кто ей поможет. А батарея в телефоне села, и телефон отключился. Вот и все. И вообще, ей не до звонков сейчас, она машиной занимается. Сидит в каком-нибудь занюханном круглосуточном автосервисе и ждет, когда устранят неисправность. Вообще-то в сервисе есть телефон, могла бы позвонить. Но она же понимает, что я пришел усталый и лег спать, она просто не хочет меня будить. Починит машину и приедет. Вот уже совсем скоро приедет, наверное, минут через двадцать или через полчаса, ночью дороги свободны, и как бы далеко она ни находилась, все равно доедет быстро. «Сейчас я приму душ, а когда выйду из ванной, Милка уже будет дома», – решил Седов.

Он долго стоял под горячим душем, специально тянул время, чтобы уж наверняка: вот он выйдет, а она уже дома.

Он вышел. А Милены по-прежнему не было. Павел запахнул поплотнее халат и снова сел к телефону. На этот раз он позвонил к себе на работу, Вадика Андрееву, который отбывал суточное дежурство.

– Слушай, позвони дежурному в ГИБДД города, узнай, не было ли ДТП с машиной... – он назвал марку и номер машины Милены.

– А что случилось-то, Паша? – сонным голосом поинтересовался Вадик.

– Да Мила моя куда-то делась, до сих пор дома нет.

– А сам чего не позвонишь?

– Ты при исполнении, тебе сразу скажут, а мне будут всю душу выматывать, кто я да что я... Уж сколько раз нарывался.

– Ладно, – вяло протянул Андреев. – Узнаю – отзвонюсь.

Вадик перезвонил минут через десять. Никаких дорожно-транспортных происшествий с участием Милениной машины не зафиксировано. Но это отнюдь не означает, что их не было вовсе. Могла быть обыкновенная подстава, лихие опытные ездоки в пять секунд сделали так, что Мила зацепила чужую дорогую машину крылом или бампером, и теперь здоровенные бандюки требуют, чтобы она возместила ущерб. Милицию они не вызывают, зачем им милиция? А Милка сама никуда позвонить не может, у нее батарея села, а они ей свой телефон, само собой, не дают. Или эти бандюки отобрали у нее телефон и выключили его. И машину тоже отобрали. И деньги. И она теперь идет пешком, и у нее даже нет денег, чтобы купить телефонную карту и позвонить из автомата. Но ведь в Москве огромное количество заведений, работающих круглосуточно, неужели нельзя зайти и попросить разрешения позвонить? Ей бы не отказали, не родился еще человек, особенно мужчина, который мог бы хоть в чем-то оказать Милене, в этом Павел Седов был на сто процентов уверен.

Почему же она до сих пор не пришла домой? И почему не позвонила?

Он посмотрел на часы и похолодел: без четверти три. И почему время так интересно устроено? Когда ждешь какого-нибудь желанного события, то время до назначенного часа тянется невыносимо медленно, это всем известно. А когда в назначенный час должно, обязательно должно что-то произойти, но почему-то не происходит, время мчится как оглашенное. Ты уговариваешь себя, что пять минут опоздания – это ерунда, и двадцать минут – тоже ерунда, этому можно найти миллион разумных объяснений, и ничего катастрофического пока

не произошло, ну еще минута, ну еще пять, ничего страшного, вот сейчас, вот уже сейчас... И вдруг обнаруживаешь, что прошло не двадцать минут, и не двадцать пять, и даже не тридцать, а три часа. Пять часов. Восемь. И ни одно из миллиона разумных объяснений уже не годится, и это означает, что пора переходить к объяснениям неразумным и оттого страшным.

Страшных объяснений Павел Седов не хотел. Он снова включил телевизор, устроился на мягком уютном диване и прикрыл глаза, мысленно представляя, как Мила придет, и как он станет ругать ее за то, что не позвонила, за то, что вовремя не заряжает батарею, за то, что не предупреждает, куда поехала, за то... Он опять провалился в дрему и проспал до шести утра.

Милены все еще не было. Павел снова потянулся к телефону. Ее аппарат по-прежнему «выключен или находится вне зоны действия сети». Зато у дежурного по городу на Петровке с аппаратом все было в полном порядке. Имя Милены Юрьевны Погодиной по сводкам не проходило. Он набрал номер, по которому давали справки о несчастных случаях и экстренных госпитализациях: а вдруг ей стало плохо? Упала, сломала ногу или руку, головой ударилась? Да мало ли как бывает. Правда, врачи обычно звонят домой, ставят родственников в известность, но врачи тоже всякие бывают, могли и не позвонить. Но и по этому номеру о Милене информации не дали.

Павел проклинал себя за то, что так мало интересовался жизнью Милы, ведь он даже телефонов ее подружек не знает. И самих подружек почти не знает, в памяти осели парочка имен и лиц, но ни фамилий, ни адресов, ни телефонов... Оля, Марина... Какие-то «девочки» с курса. Еще была, кажется, Тамара, с ней Милена в больнице лежала, вернее, не в больнице, а в клинике, в Швейцарии. Вот, пожалуй, и все. И записной книжки у нее нет, она все номера в телефон записывала.

Он торопливо оделся, выскочил из дома, сел в машину и поехал на Петровку. Ему повезло, почти всю дежурную группу он знал если не по именам, то хотя бы в лицо. До создания Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Павел боролся с наркопреступлениями, будучи сотрудником МУРа, и здесь, на Петровке, его еще не забыли.

– Паш, а ты не гонишь? – недоверчиво переспросил его следователь. – Ну молодая же баба, с кем не бывает. Всего один раз дома не ночевала, а ты уже волну поднимаешь.

– С Миленой такого быть не может, – твердо проговорил Седов. – Ты ее не знаешь, а я знаю. Она очень ответственная и обязательная. Она не может просто так взять и загулять.

– Да может, Паша, может. Все могут. Ты не обольщайся.

– Ты не понимаешь.

– Чего я не понимаю? Что жена Цезаря вне подозрений? – устало усмехнулся следователь.

– Да при чем тут это! Я наркотиками занимаюсь, и чтобы на меня воздействовать, могут сделать все, что угодно! Машину мою взорвать, квартиру поджечь, меня избить, бабу мою похитить. Ты что, тупой?!

– А у тебя что, серьезная разработка идет?

– В том-то и дело. Там не один миллион крутится.

– Ладно, – кивнул следователь, – придется возбуждаться. Садись, пиши заяву. И номер ее мобильного укажи, я сейчас запрос быстренько напишу, к судье сам стоняешь. Говоришь, телефон выключен?

– Выключен.

– Это жаль. А то установили бы, где сейчас аппарат. Ну да ладно, посмотрим, с кем она по телефону в течение дня разговаривала, а там видно будет. Да, и номер машины не забудь, марку там, модель, цвет – ну, короче, сам знаешь.

Седов знал. Ему никогда и в голову не приходило, что эти знания понадобятся ему самому, и от осознания этого тревога внезапно сменилась безысходностью. В тревоге всегда есть частичка надежды, что все обойдется. В безысходности же нет ничего, кроме самой безысходности.

ГЛАВА 3

Настя Каменская пришла на работу расстроенной и невыспавшейся. Накануне она до поздней ночи обсуждала с мужем своего нового начальника, пересказывала раз десять разговор с Большаковым, пережевывала детали и все пыталась с помощью Алексея вникнуть: где же здесь подвох, в чем завыка. Чистяков относился к ее тревоге с пониманием, но ничего вразумительного в качестве объяснения предложить не смог. Он тоже не понимал, почему новый шеф ведет себя так... странно, что ли. По нынешним временам можно было бы даже назвать его поведение неадекватным, хотя, строго говоря, по всем управленческим меркам то, что он сделал в первый день пребывания в должности, было безупречным. Он заручился поддержкой наиболее авторитетных членов коллектива, он выразил готовность укреплять кадровое ядро, он отлично подготовился к вступлению в должность, он знал всех сотрудников, не только действующих, но и бывших, по именам-отчества, он был безукоризненно вежлив и безоговорочно признавал старшинство более опытных коллег. Ну не к чему придраться!

А так не бывает. Особенно сегодня.

– Асенька, а может быть, это у тебя профессиональная деформация? Ты просто привыкла всех подряд подозревать, – осторожно предположил Чистяков. – А он, Большаков твой, такой же, как большинство нынешних ментов, просто по первости прикидывается. Пройдет месяц-другой – и все будет, как обычно. А? Все, что он тебе наговорил, это пустой звук, вот увидишь. Ничего он не станет делать, и ребят возвращать в отдел не будет, и тебя не повысит. Так, треплется для создания впечатления.

– А если сделает? Ну представь себе, за эти два-три месяца он сделает то, что обещал, и как ему потом жить? Он повысит меня в должности, он заменит одного из замов на Игоря Лесникова, выбьет квартиру для Короткова, избавится от балласта, наберет толковых ребят, хотя вообще-то непонятно, где он их возьмет, но допустим. И что? Если он такой же, как Афоня, что он станет делать с нами со всеми? Он же работать не сможет, мы ему все карты перепутаем. Он просто не сможет нами руководить, особенно если один зам – Коротков, а другой – Лесников. Если у него хватило мозгов так повести себя в первый день, то он очень не дурак, а коль не дурак, то должен был просчитать перспективу.

Они так ни до чего и не договорились, Настя потом долго не могла уснуть и в результате встала утром с тяжелой головой, которую будто набили стекловатой. Первоначальный шок, еще накануне сменившийся тревогой, сегодня трансформировался во враждебность. В новом начальнике она готова была видеть врага и собиралась обороняться всеми доступными способами.

Мобильник в ее сумке заверещал, когда Настя подходила к зданию на Петровке. Звонил Коротков.

– Ты еще дома?

– Нет, уже у проходной.

– Зайди сразу ко мне, ладно?

– Что-то случилось? – испугалась она.

– Зайди, – коротко повторил Юра и отключился.

Еще не было девяти, Настя специально пришла пораньше, чтобы заняться бумажной рутинной. А Юрка-то что же? На работе ночевал, что ли? Значит, действительно что-то случилось. Не иначе, олигарха какого-нибудь грохнули. На всякий случай она, прежде чем подниматься на свой этаж, заглянула в дежурную часть. Нет, все как обычно, ночь прошла спокойно, все олигархи, звезды шоу-бизнеса и политики живы-здоровы. Уже легче.

– Чего так долго? – проворчал Коротков, когда она вошла в кабинет. – От проходной можно было уже десять раз дойти.

– А ты чего с утра такой агрессивный?

– Ничего. Садись. На вот, держи, я тебе кофе сделал. Остыл уже, пока ты неизвестно где гуляла.

Ей показалось, что Юра избегает смотреть ей в глаза. Настя взяла чашку, сделала несколько глотков еще вполне теплого кофе. Она решила, что будет молчать. Раз сам позвал, так пусть сам и начинает разговор. Почему в глаза не смотрит? Нашкодил? И кофе сделал... Как будто вину хочет загладить. А пауза-то явно затягивается.

– Ася, я с утра имел деловое рандеву с Большаковым, – начал, наконец, Коротков. – Он вчера вечером мне позвонил и попросил прийти к восьми, чтобы посоветоваться.

– Ну и?

– Он был вчера у руководства, носил представление на тебя и на Сережку Зарубина. Сережкино представление подписали, а твое – нет.

Ну вот, Чистяков оказался прав, как всегда. Никто ее повышать в должности не собирается.

– Он объяснил, почему? – спросила Настя, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Сказал, что по поводу тебя подняли жуткий крик и припомнили все твои неудачи за последний год. Видно, Афоня из всех сил постарался, чтобы тебя выперли на пенсию и срок службы не продлевали, если ты напишешь рапорт. Конечно, оперу с твоим стажем срок службы продлили бы без разговоров, еще и спасибо сказали бы, так он сделал все возможное, чтобы этого не произошло. Очень ему неудобно было с тобой работать, очень ты ему мешала.

– Это Большаков тебе так сказал? Или информация из другого источника?

Юра пожал плечами.

– А какая разница?

– Большая, Юрочка. Если ты точно знаешь, что все было именно так, я готова поверить. Но если ты знаешь это только со слов Большакова, то я уверена, что это вранье. Никуда он не ходил с моим представлением. Он просто морочит мне голову, чтобы я думала, что он такой хороший и радуется о деле и лично обо мне. На самом деле это сплошная показуха.

– Ася, ты не права.

– Почему?

– Потому что он спрашивал меня, на какие рычаги можно нажать. Он спрашивал, к кому из людей, имеющих влияние на наших начальников, можно обратиться.

– И что ты ответил?

– Посоветовал ему позвонить Заточному.

Настя залпом допила кофе и поставила чашку на стол.

– Юрка, в твои годы уже пора перестать быть наивным. Это все спектакль, игра, неужели ты не понимаешь? Он просто морочит нам голову. Кстати, на какую должность он собирается назначать Зарубина? У нас же нет свободной ставки старшего опера. То есть с Зарубиным – это тоже спектакль.

– Он имел в виду назначить тебя старшим опером по особо важным, а Сережку перевести на твою должность. Поэтому он и носил два представления сразу.

– Это тоже с его слов? – усмехнулась Настя. – Вот видишь, как славно все получается, меня повышать руководство отказывается, стало быть, и Зарубина повышать некуда. Большаков сделал все возможное, а ему плохие дядьки-начальники кислород перекрыли. И он весь в белом, и мы с мытыми шеями. Вроде как обещание не выполнил по независящим от него причинам.

– Но он же сказал, что представление на Серегу подписали...

– Интересно, каким это образом? Ты же сам сказал, что свободной должности нет.

– Слушай, я как-то не подумал, – растерянно ответил Коротков. – Вообще-то ты права... Это я лоханулся. Я в кадровых вопросах не силен, Афоня их как-то без меня решал, с другим замом, со своим другом. Погоди-ка, я сейчас кое-что выясню.

Он снял трубку и начал листать телефонный справочник.

– Юра, еще рано, никого на месте нет, – Настя попыталась его остановить. – Ну кому ты собираешься звонить? В кадры? Выяснить, на какую ставку назначат Зарубина? Это же смешно.

– Кому надо, тот уже на месте, – буркнул Юра. – Не мешай. Але, Михалыч? Здоров будешь. Это Коротков. Слушай, глянь в свою разблюдовку, сколько по нашему отделу числится должностей старших оперов и сколько из них свободны. Сколько-сколько? Две? А откуда они взялись? Когда? Нет, не знал. Ну бывает, что ж теперь... Спасибо тебе, Михалыч.

Он осторожно положил трубку на аппарат и задумчиво посмотрел на Настю.

– Во как, подруга. Ни хрена не понимаю. У нас, оказывается, две свободные должности старшего опера.

– Откуда? – удивилась Настя. – Я была уверена, что Афоня их все занял своими протеже.

– Афоня занял, а Большаков освободил. Вчера. Он, оказывается, вместе с вашими представлениями принес два рапорта, от Симакова и Дуненко. Они просят перевести их в другие отделы. Симаков просится в седьмой отдел. Дуненко – в девятый. И в том, и в другом отделе есть вакансии, руководители отделов рапорта завизировали, то есть ходатайства поддерживают. И представления ни них вчера же и написали. Вот такие дела.

– Господи! Как же ему удалось их выпихнуть? – изумилась Настя.

– А это ты у него спроси. Я, как видишь, тоже не в курсе. Слушай, а он немало успел, Большаков-то наш, за первый день работы, а?

– Да, немало, – медленно протянула Настя. – Только не нравится мне все это. Ну ладно, пойду я, у меня там бумажки на столе дожидаются.

– Погоди, Ася, это еще не все. Сегодня рано утром приняли заявление об исчезновении одной молодой особы, завели розыскное дело. А потом и уголовное дело возбудили.

– Уголовное? Это с какой же стати? Труп, что ли, нашли?

Насте было, чему удивляться. Когда пропадает человек, оперативники заводят розыскное дело и ищут. А уж уголовное дело следователь возбуждает только тогда, когда находят труп этого человека или когда есть серьезные основания полагать, что пропавший стал жертвой насильственного преступления. В этом случае возбужденное дело дает основания проводить обыски, выемки и прочие необходимые следственные действия.

– Трупа пока нет, слава богу. Но пропавшая женщина – сожительница нашего коллеги, который занимается преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков. У него сейчас в разработке очень крупное дело, и есть основания полагать, что исчезновение дамы является элементом давления и устрашения. Кстати, ты этого мужика, наверное, помнишь. Паша Седов.

– Помню, но смутно. Так, сталкивались пару раз. Ну и зачем ты мне это рассказываешь? Мы же розыском не занимаемся, для этого есть другой отдел.

– Большаков сказал, что если обнаружат труп пропавшей, то нам придется этим заниматься. Убийство с целью устрашения сотрудника правоохранительных органов – как раз наше дело. И он предупредил, что в этом случае следователь позвонит прямо тебе, чтобы ты подключалась. Просил тебе передать, если я увижу тебя раньше, чем он.

– Теперь все? – сухо спросила Настя.

– Теперь все, – облегченно выдохнул Коротков.

– Спасибо, гражданин начальник. Утро рабочего дня выдалось весьма оптимистическим. Меня отказываются повышать в должности и заставляют заниматься чьей-то любовницей.

– Ася, не передергивай, тебя пока еще никто ничем заниматься не заставляет. Трупато нет. Может, она жива и здорова, дай бог ей долгих лет жизни. Просто будь готова и не удивляйся, если тебе позвонит следователь прокуратуры и попросит выехать на место происшествия.

Настя осеклась. Враждебность, которую она испытывала по отношению к новому шефу, перекинулась и на Короткова, ее давнего верного и преданного друга. Так нельзя. Надо взять себя в руки.

* * *

С запросом в компанию мобильной связи Павел поехал сам. Ему казалось, что если он лично привезет запрос и будет стоять над душой у девочек-операторов, дело пойдет быстрее. Получив на руки распечатку телефонных звонков Милены за последнюю неделю и прочие сведения, он помчался к следователю, только не к тому, давно знакомому, который возбуждал дело утром, будучи дежурным по городу, а уже к другому, получившему дело в производство. Следователь этот по фамилии Давыдов сразу не понравился Седову. Он был очень пожилым и каким-то медленным, словно заторможенным. «Скинули дело кому попало, самому негодящему работнику, лишь бы отвязаться,» – злобно думал Павел.

По дороге он быстро просмотрел распечатку и не увидел там ни одного знакомого номера, кроме, разумеется, своего домашнего, служебного и мобильного. Все остальные номера были ему неизвестны. Последний звонок, когда Милена с кем-то разговаривала, зафиксирован около двух часов дня, после этого значились только вызовы, оставшиеся без ответа. Вот и его собственные звонки, начиная с половины одиннадцатого вечера...

– Ну что, сынок, привез? – встретил его вопросом следователь Давыдов. – Давай поглядим, чего там. Сам-то небось посмотрел уже?

– Посмотрел, – кивнул Павел.

– Ну тогда рассказывай, кто тут и что.

Павел взял карандаш и принялся ставить галочки. Следователь молча наблюдал за ним и покачивал головой, будто в знак одобрения.

– Ну это я понял, это она с тобой разговаривала. А другие номера?

– Не знаю.

– Чего не знаешь? Не знаешь, чьи это телефоны? – несказанно удивился Федор Иванович.

– Не знаю, – повторил Павел.

– А ну-ка дай я сам гляну.

Давыдов нацепил очки для чтения и долго всматривался в мелкие цифры и буквы.

– Так ты что ж, вчера за весь день с ней ни разу не говорил?

– Нет. Только утром, когда на работу собирался. Я же вам рассказывал.

– Ну да, ну да... А днем, значит, не звонил ни разу? – зачем-то уточнил Давыдов.

– Нет.

– А почему?

– Что – почему? – взорвался Павел. – С утра она в университете, у нее занятия, вот я и не звонил.

– Ну да, конечно. А потом?

– Федор Иванович, я, между прочим, работаю, а не баклуши бью. Некогда мне в рабочее время по телефону разговаривать, если не по делу. Неужели непонятно?

– Ну почему, понятно, – добродушно улыбнулся следователь. – Ладно, давай другие бумаги посмотрим. Среди ее абонентов ведь есть абоненты той же компании? Данные на них взял?

– Вот, – Павел протянул ему документ.

– Ну вот как славно, – почему-то обрадовался Давыдов. – Вон их как много. Сейчас ты мне про них все и расскажешь. Вот, например, Бунич Елена Игоревна, с ней твоя Милена сколько раз за последнюю неделю разговаривала? – он снова уткнулся в распечатку звонков. – О, раз десять, наверное. Так кто она такая?

– Не знаю.

– А вот, к примеру... – следователь снова сверился с обоими документами, что-то подсчитывая и шевеля губами, – вот к примеру Петракова Юлия Олеговна. О ней что можешь рассказать? Близкая подруга?

– Да не знаю я, – Павел уже начал раздражаться.

– Ладно, пойдем с конца, – миролюбиво согласился Федор Иванович. – Последний, с кем разговаривала твоя подруга, был некто Канунников Олег Михайлович. В тринадцать пятьдесят две вчерашнего дня. Вот погляди-ка: в тринадцать сорок пять он ей шлет письмецо, в тринадцать сорок семь она ему отвечает тоже письмецом, в тринадцать сорок девять он снова шлет ей сообщение, и в тринадцать пятьдесят две она уже сама ему звонит, Олегу этому. Кто таков?

– Понятия не имею.

Давыдов снял очки и пристально посмотрел на Павла.

– Слушай, сынок, как же вы с ней жили? Ты ж говоришь, что давно живете-то, а?

– Давно. Больше четырех лет.

– Вот я и говорю, давно живете. А ты ничего о ее жизни не знаешь. Ни друзей ее, ни подружек. Она с этими Бунич и Петраковой каждый день перезванивается, а ты и не в курсе, кто они такие. Как же так, сынок?

– Как живем, так и живем, – вспыхнул Павел. – Вам-то что за дело? Ее искать надо, она пропала, понимаете вы или нет? А вы мне мораль читаете о семейных устоях. Вы должны дать задание операм, чтобы пробили этого Канунникова, потому что он был последним, кто разговаривал с Милой, а вы время теряете.

– Учишь меня, – грустно констатировал Федор Иванович. – Поучаешь. Ну оно конечно, куда нам, старикам, за молодежью угнаться, у вас все быстрее получается. Только больно у вас все сложно. Я вот сейчас сам трубочку-то сниму да и позвоню этому Канунникову, а там поглядим.

Он снял трубку, снова нацепил очки, нашел в распечатке нужный номер и принялся нажимать кнопки.

– Выключен, – сказал он, возвращая трубку на место. – Или находится вне зоны действия. – И добавил загадочную фразу: – А ну-ка здесь посмотрим.

Давыдов повернулся к компьютеру и начал резво щелкать мышкой.

– Что вы ищете? – не выдержал Павел.

– А у меня здесь база Московской городской телефонной сети. Адресок-то Канунникова по прописке нам дали, вот я и ищу его домашний телефон. Вот, нашел. Ну-ка попробуем.

Он снова взялся за телефонную трубку. На этот раз ему ответили. Павел внутренне подбравшись: сейчас следователь поговорит с человеком, который последним вчера разговаривал с Милой, и все у него выяснит. И окажется что-то совсем смешное, нелепое... Да пусть какое угодно окажется, лишь бы не самое страшное!

– Добрый день, – проворковал неспешно Федор Иванович. – Олега Михайловича я могу услышать? Да? Ну надо же, а я и не знал. Давненько я ему не звонил. А где он теперь живет, не подскажете? А, ну да, ну да, понимаю, конечно. Какая квартира? Сто пятая? На девятом этаже? Ага, ага. А телефон-то там есть? Будьте любезны, пожалуйста, – он взял ручку и записал номер. – Да? Ох, жалость какая, а я повидаться хотел... Когда вернется? Через три-четыре дня? Ну, это я успею, это я его дождусь, я в Москве в командировке дней на десять. Спасибо вам превеликое, очень вам обязан.

– Ну, что вам сказали? – сгорая от нетерпения, спросил Павел.

– Сказали, что Олег Михайлович по этому адресу не проживает, снимает квартиру. Точного адреса они не знают, знают только, до какой остановки ехать и как дом найти, квартира сто пятая на девятом этаже. Телефончик дали. А сами Олег Михайлович вчера убыли в командировку дня на три-четыре, так что в Москве его в данный момент нет. А ну-ка глянем, – он снова повернулся к компьютеру. – Какой мне номер-то сказали?

Давыдов пощелкал мышкой и клавишами и удовлетворенно хмыкнул.

– Все правильно, телефончик установлен на имя некоего Пекарского, и в адресочке аккуратно сто пятая квартирка указана. Значит, не врет наш Олег Михайлович и не прячется. В самолете, небось, сейчас летит или в поезде катит, в окошко смотрит, на природу... Хорошо!

Давыдов потянулся. В этот момент Павел готов был его убить. Ну чего он расслаживается, этот старый пень! Надо гнать оперов устанавливать, где работает Канунников и куда уехал, действительно ли его послали в командировку или он сбежал, а этот дед потягивается и про природу рассуждает. Федор Иванович тем временем снова взялся за компьютер. Ну что еще он там собирается выискивать?!

– Люблю эту игрушку, – приговаривал между тем следователь, – очень она полезная, массу времени экономит. Значит, адресочек этот числится по Центральному округу, это хорошо, там зам по милиции общественной безопасности мой добрый знакомый. Какой это у нас участок-то получается? Седьмой у нас получается.

И снова потянулся к телефону.

– Доброго здоровья, – тягуче затянул он. – Узнал? Это хорошо, долго жить буду. Просьба у меня к тебе. На седьмом участке у тебя есть кто попроворнее? Есть? Ага. Адресочек бы надо проверить. Нет, пока ничего серьезного, но так, на всякий случай. Там прописан некий Пекарский, но по моим сведениям он квартиру сдает, вот меня жилец интересуется. Ага, ага... Ну попроси его мне позвонить, я у себя пока буду.

– А ты чего сидишь-то у меня над душой? – обратился следователь к Павлу. – Шел бы на работу-то, здесь ничего не высидишь. Сейчас мне участковый перезвонит, я его налажу адресок проверить, с соседями поговорить, а уж потом решать будем.

– Я подожду.

– Так неизвестно, сколько ждать придется. Это пока он перезвонит, пока сходит, то да се, пока снова перезвонит... Что ж ты, все это время будешь тут в моем кабинете штаны протирать?

– Я буду ждать, – упрямо повторил Павел.

– Нет уж, сынок. Ты мне работать не мешай. У меня кроме твоей подружки еще знаешь сколько работы? Не хочешь на свою службу ехать – сходи погуляй, воздухом подыши, а то поешь где-нибудь, да хоть у нас в буфете. Номерочек свой мобильный мне оставь, а я тебе сам позвоню, когда надо будет.

Павел записал номер мобильника и вышел в коридор, кипя от злости. Этого деда столетнего ничем не пробьешь. Конечно, не у него же близкий человек пропал, чего ему беспокоиться!

Павел бесцельно шел по улице, стараясь не отходить слишком далеко от здания Мосгорпрокуратуры в Балакиревском переулке, где сидят следователи, ведущие дела об убийствах. Хотя на самом деле какая разница, в каком месте он окажется, когда позвонит этот тупой старикашка-следователь? Каждые десять минут Седов упорно звонил к себе домой и на мобильник Милены. А вдруг? Вдруг она вернулась? Вдруг все обошлось? Но дома ему никто не отвечал, а аппарат Милы был по-прежнему выключен.

Он четыре раза обошел квартал, когда Давыдов, наконец, позвонил. Голос его был сухим и строгим.

– По адресу дверь никто не открывает, а перед подъездом стоит машина твоей Милены. Группа сейчас выезжает. Если собираешься с нами – через три минуты будь у подъезда, ждать тебя никто не станет.

Ну вот, вот сейчас все и выяснится. Хотя бы машину нашли! Молодец участковый. Павлу почему-то казалось, что обнаруженная машина – это уже почти найденная Милена. Чувство было глупым и безосновательным, но оно давало надежду. Ведь все так просто! Милена по какой-то надобности приехала к этому Олегу Канунникову, наверное, это ее однокурсник. Или скорее даже преподаватель, и она приехала к нему на дом сдавать зачет, такое часто бывает. А там ей стало плохо, или, может, порезалась, или упала, сломала что-нибудь, и он отвез ее на своей машине в больницу. По «скорой» ее не забирали, поэтому она не проходит по категории «несчастный случай», а ему, Павлу, просто никто не позвонил. Мила часто жаловалась на боли в животе, наверное, у нее аппендицит, вот и прихватило. Господи, как хорошо!

* * *

Настя безнадежно застряла в пробке и проклинала собственную лень, заставившую согласиться с указанием нового начальника поехать на служебной машине. На метро вышло бы куда быстрее. Если бы она взяла на себя труд хоть минутку подумать, то, конечно, отказалась бы от машины, но все вышло так быстро... она просто оказалась не готова. С утра успела съездить к важному свидетелю по делу об убийстве вдовы банкира, тоже не так давно убитого, заскочила к следователю доложить, примчалась на Петровку взмыленная, схватила за бумажную работу, которую все откладывала уже недели две, и вдруг позвонил Федор Иванович, следователь из горпрокуратуры, и сказал, что обнаружена машина Милены Погодиной и нужно ехать. Кто такая Милена Погодина, Настя даже сразу не поняла, а когда сообразила, то одновременно рассердилась и расстроилась. Ну зачем ей все это? Конечно, Коротков предупредил еще утром, что может позвонить следователь, но она как-то быстро выкинула его слова из головы и уже распланировала дела на предстоящий день, а тут – на тебе! Хорошо еще, что следователем оказался Федор Иванович: Настя давно была с ним знакома и знала, что у старика Давыдова есть чему поучиться. Перед тем, как ехать по адресу обнаружения машины пропавшей Погодиной, Настя, как и положено, позвонила Большакову, а он предложил взять служебную машину. Вот она и взяла... Себе на голову. Стой теперь в пробке. А потом оправдывайся перед следователем, почему явилась только к самому концу осмотра. Как начался вчера понедельник с неудачи, так теперь вся неделя псу под хвост.

Но все оказалось не так плохо. Когда Настя подъехала к дому, который назвал ей Давыдов, осмотр только-только начался: вероятно, все остальные застряли в такой же пробке. Машину уже вскрыли, и техник-криминалист начал работать в салоне, проверяя содержимое «бардачка».

– Что у нас тут? – спросила Настя, поздоровавшись со следователем.

– Машина, как видишь. Но адрес хороший, – загадочно ответил Федор Иванович.

– Чем же это?

– А в этом доме как раз проживает некий Олег Михайлович Канунников, квартиру снимает. С ним пропавшая Погодина неоднократно разговаривала по телефону, в том числе в последний раз – вчера, коло двух часов дня. И он, кстати замечу, был последним, с кем она вообще общалась при помощи мобильного. Потом идут только сплошные вызовы без ответа. Усекаешь, к чему дело идет?

– А что Седов? Он где?

– Да где ж ему быть? – сердито буркнул Давыдов. – Сидит у меня на шее, думает, без него тут не разберутся. Вон стоит курит.

Он показал на высокого крепкого мужчину, нервно переминавшегося с ноги на ногу возле машины и все норовившего что-то подсказать криминалисту. Да, конечно, это он, Павел Седов, Настя его помнила, хотя и не очень отчетливо.

– Он знает, кто такой Канунников? – спросила она.

– Говорит, впервые слышит это имя.

– Но хоть предполагает что-нибудь?

– Предполагает, что это преподаватель, к которому Погодина поехала на дом сдавать «хвосты». Больше никаких версий у него нет.

– Ну а на самом деле? Установили этого мужика?

– Пока приблизительно. Я, конечно, послал человека в университет, но вот участковый местный уверен, что Канунников не из этой оперы. Да и мать его подтверждает, что сыночек все больше по строительству суетится, а не по юриспруденции. Паспортные данные Канунникова мы получили, по месту прописки позвонили, там говорят, что он в командировку убыл на несколько дней. А вот от какой организации он поехал – тут тишина полная, родственники не в курсе. Говорят, какая-то строительная фирма, но ни названия, ни адреса – ничего.

– И дверь в квартире не открывают, – полуутвердительно произнесла Настя.

– Ну это само собой.

– Вскрывать будете?

– А як же ж, – улыбнулся Давыдов. – Участковый сейчас слесаря приведет – и приступим помолясь. А ты чего сердитая такая? Не выпалась?

– Да нет, выпалась, просто день весь наперекосяк.

– Так у меня то же самое. Что ж поделать, Настюха, жизнь у нас такая. Думаешь, я рад был до смерти, когда на меня этот Седов свалился со своей подружкой? У самого работы по горло. Слушай, а куда вы Афанасьева своего дели? Какой-то новый мальчик у вас вместо него.

– Вот именно что мальчик, – Настя досадливо повела плечами. – Действительно новый. Вчера приступил.

– Ну-ну. Растут новые кадры. И как он? Ничего? Дело знает?

– Кто его разберет. За один день разве поймешь? Федор Иванович, а Седов не допускает мысли, что Канунников – любовник его подруги? Или он точно знает, что у нее нет любовника? Почему он решил, что здесь живет преподаватель?

– О, сколько у тебя вопросов-то, Настюха! – Федор Иванович рассмеялся неожиданно густым басом. – Про любовника пока речи нет, уж не знаю почему. То ли Павел в своей сожительнице полностью уверен, то ли точно знает, что любовник – кто-то другой. Хочешь, сама спроси у него.

– А вы что, не спросили?

– Пока нет. Рано еще. Человек и без того в стрессе, а тут материя деликатная. Вот квартиру вскроем, тогда и объявим ему неприятную правду. Или он ее сам увидит, правду эту.

– Правду? – удивилась она. – То есть вы сами-то уверены, что Канунников и Погодина...

– Да брось ты, Настя, – перебил ее Давыдов, наблюдая за действиями сидящего в машине криминалиста. – Списываешь меня со счетов раньше времени. Я ж не пальцем деланный, я с матерью-то Канунникова хорошо поговорил, долго, пока в машине ехал. Она мне и сказала, что ее сын и Милена Погодина знакомы лет шесть или около того и любовь у них страшная, крепкая и любым жизненным катастрофам противостоящая. А не женятся они только лишь потому, что жить им негде, и Олег хочет сначала денег заработать, квартиру купить, а уж потом семью строить. Разумно, правда?

– Правда, – кивнула Настя. – А то, что Милена живет с Седовым, это как? Укладывается в концепцию?

– Нет, – согласился следователь, – но мать Канунникова об этом не знает. Она считает, что Милена живет в каком-то общежитии или снимает комнату на паях со знакомой девушкой. В общем, что-то вокруг этого.

– Интересное кино. А...

– А вот и участковый, слесаря ведет, – снова перебил ее Федор Иванович.

Участковый, стройный и очень симпатичный, лет тридцати с небольшим, в ладно сидящей форме, представился и протянул Насте руку:

– Капитан Дорошин. Можно просто Игорь.

– Анастасия, – ответила она.

Участковый Дорошин... Где-то она слышала эту фамилию. Или читала? Есть такой знаменитый певец Дорошин, но она слышала именно об участковом. Ну да, конечно, в январе она читала доклад об итогах работы ГУВД Москвы за предыдущий год, и там упоминался некий участковый Дорошин, как раз в разделе об опыте привлечения «других служб» к раскрытию преступлений и розыску преступников. Какое же это было преступление? Кажется, убийство... Да, правильно, убийство жены какого-то бизнесмена возле оперного театра. Настя потому и запомнила, что упоминался оперный театр, это все-таки большая редкость в контексте «бизнесмены и убийства», чаще загородные дома, рестораны, казино и офисы попадают.

– Федор Иванович, – криминалист высунулся из салона машины, – посмотрите, уже можно. Ничего особенного, всякий бабский хлам.

– Ага, сейчас.

Давыдов повернулся к Насте:

– Гляну быстренько, что там, и пойдем наверх.

– Э, начальник, – заволновался слесарь, – мне долго еще ждать? Меня вон участковый выдернул прямо с заявки, быстрее, говорит, дело срочное, следователь из прокуратуры ждет, так я все бросил и пришел, а вы тут и не торопитесь. У меня работа стоит, между прочим.

– А мы с тобой пока пойдем, – миролюбиво заговорил участковый, – дверь посмотрим, а ты инструмент подберешь. Опять же соседей надо предупредить, что дверь будем ломать, а то они шум услышат, перепугаются и дежурный наряд вызовут. Постучим пока, покричим, может, хозяин все-таки дома, спит или еще чем занимается, потому и не открывает. Пошли-пошли, у следователя своя работа, а у нас с тобой – своя.

Он весело подмигнул Насте, и ей почему-то стало смешно. Славный парень.

В машине Милены Погодиной не нашлось ничего, что могло бы подсказать, что произошло с хозяйкой. Ни записок, ни бумажек с адресами, ни писем с угрозами. Все как у всех: пара атласов Москвы, несколько дисков с музыкальными записями, темные очки, бумажные платки, пудреница, складной зонтик, шариковая ручка, маленький блокнотик с чистыми листами, еще какие-то мелочи.

– Охохонюшки, – тяжело вздохнул Давыдов, – работа наша грязная и неблагодарная. Представляешь, Настюха, что сейчас будет? Войдем мы в квартирку да и увидим голубков при исполнении, так сказать, сексуальных желаний. Мало того, что скандал, дескать, нарушили святое конституционное право гражданина Канунникова на тайну личной жизни, так еще и Павел наш мордобой устроит и начнет с девушкой своей публично разбираться. Нам оно надо? А куда деваться? Дело возбуждено, обязаны пропавшую девушку искать. И какой козел его возбудил, а?

– Поквартирный обход начали? – спросила Настя вместо ответа.

– Да сделали, что смогли. Пока ты ехала, мы много чего успели. Правда, время сейчас рабочее, никого нет, ну а уж кто дверь открыл, с тем побеседовали. Хорошо еще с территории аж троих оперов прислали, все-таки дело быстрее пошло. Один из жильцов дома видел, как вчера днем, около половины третьего, Погодина вышла из машины и вошла в подъезд.

– Он твердо уверен, что это была Погодина?

– Твердо, Настюха. Он ее много раз видел, ошибиться не мог.

– А Канунникова кто-нибудь видел после этого?

– Чего нет – того нет. Ни после этого, ни до этого. Как-то так вышло, что Канунникова вчера вообще не видел никто из тех, с кем на текущий момент удалось поговорить, но это и не удивительно. Удивительно, что Погодину заметили и запомнили. Сейчас ведь никто никого в лицо не запоминает и внимания ни на кого не обращает. Канунникова, например, в этом доме никто, похоже, и не знает, а вот девушку заприметили. Наверное, она какая-то особенная. Ладно, пошли наверх, поглядим, что там, в квартирке-то.

Они двинулись к подъезду. Стоящий метрах в пяти от них Павел Седов бросил на тротуар недокуренную сигарету и решительно пошел следом.

* * *

Настя никогда не считала себя большим специалистом по осмотру места происшествия. Есть следователь, есть техник-криминалист, уже приехали два оперативника из «убойного» отдела окружной криминальной милиции, окружную бригаду вместе с экспертом-криминалистом и судебным медиком уже вызвали, они тоже вот-вот появятся, даже прокурор-криминалист приедет, и делать ей в квартире Канунникова в общем-то нечего. Тем более там понятые и Павел Седов. Слишком много народу для маленькой однокомнатной квартиры. Тело Милены Погодиной лежит в комнате, и даже Настиных поверхностных знаний хватило на то, чтобы понять, что она была задушена примерно сутки тому назад.

– Игорь, – она тронула участкового за рукав, – пойдемте отсюда, поговорим.

Они вышли на лестничную площадку и поднялись на один пролет вверх. Настя немедленно уселась на подоконник и вытащила сигареты, Дорошин же как-то беспокойно закурился, делая носом короткие вдохи, словно принюхивался.

– Что такое?

– Да запах. Не чувствуете?

– Нет, – Настя принюхалась, но ничего особенного не уловила. – А чем пахнет?

– По-моему, мочой. Нет?

– Не знаю, – она пожала плечами и затаилась. – Я много лет курю, у меня обоняние притупилось. А вы не курите?

– Нет, поэтому запахи хорошо чую.

Он быстро поднялся еще на один пролет, и через несколько секунд оттуда раздался его голос:

– Ну точно, здесь кто-то активно справлял нужду.

– Бомжи?

– Это вряд ли, я бомжей гоняю.

Он спустился, присел на корточки рядом с подоконником и принялся что-то высматривать.

– Вот, – он торжественно вытащил из-под батареи и поднес к Настиному лицу консервную банку, почти доверху наполненную окурками. – Видите?

– Обычная лестничная пепельница, – равнодушно откликнулась Настя. – Вы такие в каждом доме найдете. Если кому-то не разрешают курить в квартире, они выходят на лестницу, и почти у каждого приличного гонимого курильщика есть такая лестничная баночка для пепла и окурков.

– Согласен. Но при этом мало кто отходит далеко от своей квартиры. Возле этого подоконника могли курить только те, кто живет на девятом этаже. А на девятом этаже таких нет, это я вам гарантирую.

– Вы так хорошо знаете жилой сектор? – скептически осведомилась Настя.

Дорошин рассмеялся.

– Это, наверное, единственное, что я в своей работе знаю действительно хорошо. Вот смотрите: на девятом этаже четыре квартиры. Пекарский из сто пятой квартиру сдает, там живет Канунников, это мы уже знаем; он один, и гонять его некому, даже если он и курит. В сто шестой живет супружеская пара, детей нет, но у хозяина квартиры два раза снимали колеса с машины, так что я там бывал. Накурено так, что не продохнуть, причем дымят оба, и муж, и жена. В сто седьмой у нас молодая дама с двумя собаками, некурящая. И в сто восьмой – одинокая бабушка-пенсионерка, периодически вспоминает молодость и покуривает папиросы. А это, – он снова поднял банку с окурками, – сигареты с фильтром. И курил их кто-то пришлый. Долго-долго сидел здесь, курил и чего-то ждал. Периодически бегал на пролет вверх пописать. Похоже?

Настя медленно кивнула. Похоже, но с большими допущениями.

– Это могла быть юная парочка, – возразила она. – Приткнуться негде, и даже если кто-то из них живет в этом доме, они поднимались сюда, чтобы побыть вдвоем и чтобы родители не застукали. Допустим, кто-то из них курит, здесь их постоянное место, и ничего удивительного, что здесь стоит их постоянная пепельница. Они здесь, у этого подоконника, гнездо свили. Похоже?

– И это похоже, – согласился Игорь. – Но вряд ли влюбленный пацан скажет своей пассии: «Постой здесь, я пойду отолью». Вот это уже непохоже. Конечно, цинизм и простота нравов в наше время процветают, но не до такой степени. Может быть, парочка здесь и пасется, но туалет из площадки перед чердачной дверью устроили точно не они. Давайте кое-что проверим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.